

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Смутные времена. Книга 8

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Смутные времена. Книга 8 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Как это не прискорбно осознавать, но вся История России - Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми, совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1

... А еще через пару километров за Дунайским проспектом, "Вольво" обошло джип и, подставив свой фаркоп, заставило Петра Павловича снизить скорость до сорока километров. "Вольво" не позволяло себя обойти и Петр Павлович, шепотом матерясь, повернул голову к сыну.

– Врезать ему с маху, чтобы убрался или колеса может из "Перуна" пробить?

– Колеса. Зачем машину увечить?– Михаил, сидящий рядом с ним, опустил стекло и прицелился в дергающийся впереди автомобиль, но выстрелить не успел, так как справа его опередили, причем сразу с трех точек по джипу выстрелили из переносных компактных гранатометов. Три выстрела, выдали в черноту ночи, три снопа пламени почти одновременно и три попадания – практически в упор, подбросили джип, одновременно переворачивая и разрывая на куски...

Последняя мысль, мелькнувшая в голове Михаила, прежде чем он, разрываемый тысячей оттенков болей выпал из реальности, с ее крутыми и непредсказуемыми поворотами, была совершенно запоздалой, хоть и совершенно бесспорной.– " Попали, как пацаны сопливые, блин". Он даже, кажется, успел выкрикнуть последнее слово, уже захлебываясь этим криком, но три яркие вспышки, чередующиеся одна за другой, в доли секунд, трижды исполосовали его тело миллионом мельчайших осколков, гася сознание и вышвыривая кровавым облаком в чернильную ночь. Ночь без конца и края, растекалась над всей Землей, выползла в космос и окутала Вселенную. Она гасила Галактики, ползла чернильным пятном, заполняя бесконечную пустоту, и Михаил растекался вместе с ней, ощущая себя неразрывным целым с этой субстанцией, которую он назвал поспешно "ночью", и которая на самом деле была чем-то совсем другим. Чем-то окончательным, как та сила, что должна в конце времен "свернуть небо как свиток" вместе со звездами, Луной и Солнцем. Декорации, отслужившее свое время, Творец, убирал с легкостью театрального декоратора и Михаил, забыв о том, что только что был болезненно убит, затаив дыхание, наблюдал, как это происходит. Гасли звезды, как огни большого города, засыпающего и на их месте появлялось чернильное пятно, фиолетово-багряное. На миг высветив очередной "прибранный уголок", будто демонстрируя кому-то качество выполненной работы, а затем мигнув вполне обыденно, затухало. Михаил вертел головой и всюду наблюдал ту же картину. Будто звезды ждали его взгляда, чтобы тут же погаснуть, тихо и навсегда.– "Они гаснут, потому что я на них смотрю",– подумал он и, ему стало жаль эту бриллиантовую россыпь, воспетую тысячами поэтов всех времен и народов,– "Не смотри!"– приказал он сам себе и зажмурился. Зажмурился изо всех сил, стиснув зубы и кулаки. И ночь пропала, стало просто темно и в этой темноте, он увидел лицо. Очень неясно вначале просматривавшееся, оно приближалось и став обычного размера, стало узнаваемо. Это была физиономия Ванюши, конопатая, курносая, родная.

– Привет, корефан. Чего прижмурился?– расплылась физиономия в улыбке и подмигнула синим глазом.

– Это что?– спросил Михаил в ответ и голос его прозвучал глухо как в подземелье.– Где мы?

– В пирамиде, которую вы "мазаришарифкой" окрестили,– ответил Ванюша, перестав улыбаться и вздыхая.

– Почему темно и звезды гаснут?

– Побочный эффект. Бывает и хуже, когда организм на молекулы рассыпается, а потом опять в одно целое его собирать приходится,– опять, вполне будничным голосом, объяснил Ванюша.– Открывай глаза уже,-

Михаил послушно приподнял веки и зажмурился от света, хлынувшего ему на сетчатку, будто вышел из подземелья резко в солнечный полдень. "Лазарет", – узнал он помещение и рядом с ложем, на котором оказался лежащим, увидел присевшего на манипуляторы "прапора" Кондратия, посверкивающего сетчатыми видеосенсорами. И только потом увидел, уже наяву, Ванюшу, расположившегося у него на груди. Устроился Иван вполне комфортно, развальясь, как на лужайке. Руки за голову забросил и закинул ногу на ногу.

– А с остальными что? – спросил Михаил, вспомнив своих спутников. – Они где?

– Здесь, – лаконично ответил Ванюша, выпрямляясь и усаживаясь. – Костлявый, ты Миха, и дергаешься как параноик, вся задница уже наверняка в синяках от этих твоих конвульсий.

– Ну, ты и наглец, – буркнул Михаил. – Расселся и еще недоволен. Кондратий, убери этого недомерка с меня и в ведро мусорное отнеси, чтобы не выпендривался, – распорядился он, повернув голову к "прапору". Тот дернулся было, вытягивая передние манипуляторы в сторону Ванюши, но тут же их прибрал и проворчал в ответ, голосом Силиверстовича.

– Как же, дасть он себя в ведро-то сунуть. Пади клешни мигом пообрыват. Нет уж, Хозяин, ты чего другое прикажи. Кофейку сварганить может?

– Давай, – согласился с предложением Кондратия Михаил, почувствовав вдруг и голод, и жажду. – По-турецки и пару бутербродов сочини, – Кондратий браво махнул "клешней" перед видеосенсорами и зашелестел манипуляторами в сторону выхода, ворча:

– А то я не помню, что турецкий, что пару бутербродов, вот обязательно надо напомнить, будто я "Троян" тупо организованный, – Михаил улыбнулся, провожая его взглядом и повернув лицо к молчащему Ивану, спросил:

– Может, расскажешь, Вань, как я тут оказался? и вообще хотелось бы все с самого начала услышать.

– Э, брат, в двух словах не получится, – Ванюша нахмурил белесые бровки и, подперев кулачком подбородок, задумался. Очевидно, выстраивая сюжет предстоящего повествования.

– Давай в трех, чего тянешь кота за хвост? – нетерпеливо подогнал его Михаил. – Начни с джипа. Что за козлы по нему из гранатометов шандарахнули? Неужто длинные ручонки швейцарских гномов?

– Не-е-е-е-т. Не гномов. Из другой системы стрелки. Расшевелили вы братцы российский муравейник. Это надо же... один день всего как в реальность эту сунулись и все концы на себя натянули. Мудрено ли что тут же команда поступила "Устранить", как самых активных и одиозных.

– Чья команда, Вань? Что за манера изъясняться недомолвками?

– Известно чья – власть предрежащих. Ты думаешь, они все так и отдадут без сопротивления? Со стадионом у них прокол случился – низы что-то накосячили, но на верхних эшелонах все в порядке. Собрались, посовещались и выработали стратегически верную линию. – "Всех активных к ногтю". Список, кстати, совсем коротеньким оказался. Патриарх незаконно провозглашенный с его командой, да вы все скопом.

– Все? Женщины тоже? – Михаил дернулся, и Ванюша чуть не упал, вовремя успев схватиться за складки его одежды.

– Тпру, лежи смирно, – рявкнул он, ткнув пяткой Михаила довольно чувствительно. – Нет, женщин в расчет не приняли. Не посчитали потенциально опасными.

– А мужчин, значит, всех ликвидировали?

– Все уже здесь, – кивнул Иван. – Силиверстовича с Федором Леонидовичем завалили снайперы.

– А ты как оказался тут? – Михаил кивнул благодарно Кондратию, подкатившему к его ложу столик с кофе и бутербродами.

– Случайно. Мимо пробежал. Глядь, а наших мочат.

– Хохмишь? Ну и ладно. Не хочешь говорить, не надо. А почему в "альтернативку" вышвырнуло всех?

– А куда еще? В лучший Мир вам пока рано видать,– вздохнул Ванюша, будто сожалея об этом.– И потом, здесь вам работы выше головы. Заварили кашу, а расхлебывать ее за вас кто будет? Пушкин Александр Сергеевич?

– Ничего не "кашу". Тут все под контролем. Расхлебаем и будет все в лучшем виде,– буркнул недовольно Михаил, прихлебывая мелкими глотками горячий кофе.

– Нашему бы теляти, да волка съесть. Не кажи гоп, пока не перескочишь,– выдал в ответ Иван.

– Ладно, поживем, увидим. А ТАМ как же без нас? И Патриарх этот незаконный, его тоже зачистили уже?

– Там без вас все пойдет, как Создатель начертал. Не оставит без попечения чай. А Патриарх? Ему тоже пока рано уходить в чертоги вышние. У него свой крестный путь. Жив пока и все ближние его тоже. Господь милостив,– Ванюша широко обмахнулся крестом православным, удивив Михаила несказанно этим, но от комментариев и вопросов он удержался, поняв, что не время и не место.

– А нас, значит, сюда вышвырнули, как котят нашкодивших?– Спросил он все же с обиженными нотками в голосе.

– Почему как? Коты и есть,– пожал плечами Ванюша.– А главное, активные такие. Везде норовите это самое... Поспеть.

– А мы что же должны были сидеть, сложа руки и безучастно наблюдать за происходящим вокруг?– Михаил уже откровенно злился и голос его зазвучал уже не с нотками обиды, а раздражения.

– А вот это вам самим решать, конечно же. Вольному воля, только вон оно как обернулось... Хорошо, что я рядом оказался,– не стал с ним спорить Иван.

– Ты мне лапшу на уши не вешай, Вань. "Рядом, случайно мимо пробежал". Колись, как узнал, что нас мочить собрались?

– Ну, присматривал за вами краем глаза,– Ванюша смущенно опустил глаза. Извини. Вообще-то у меня нет такой привычки – подсматривать, но уж очень вас резко из "князи в грязи" опустили, вот я и решил присматривать слегка. Ну, и "голос" мне был. "Присмотри".

– Чей?– не понял Михаил.

– Я спросить постеснялся, Миха, но сказано было очень убедительно,– Ванюша расплылся в шутовской улыбке.

– Ладно, понял. Значит, ты теперь вроде нашего Ангела Хранителя?

– Вот уж это нет,– замахал руками Иван.– Ангелами вы и без меня с рождения, да крещения, обеспечены. А я так – на подхвате... От случая к случаю. В общем – в резерве. Так что не стесняйся теперь, если что... Зови.

– В резерве? А основные Ангелы где? Вот скажи мне без лукавства, Вань, почему мы их не видим, не слышим, вроде бы и нет их? И вообще чем они заняты с утра до ночи?

– О, брат, вопросец ты мне подкинул такой, что вот так с маху не ответить. Долго и даже нудно получится,– Ванюша сморщился виновато.

– И все же попробуй без занудства и коротенько,– Михаил решил дожать "тему".

– Если коротенько, то вы люди – творения многоуровневые, т. е. в разных измерениях одновременно пребывающие. На этом – материальном, а так же на более тонких... На нескольких сразу. Дух, душа – это все не пустые словеса и понятия. И на всех уровнях вас нужно вести. Вы дети Божьи и Он вас обеспечил няньками, причем деликатными, ненавязчивыми и любящими. Забот у них хватает с утра и до ночи за вами присматривать. Каб не они так все люди поголовно были бы увечными калеками. Лезете ведь бездумно с детства куда попало. Без глаз, рук и ног 99-ть процентов бы были.

– Так ведь и есть же сколько-то процентов все равно таких. Это что же Ангелы проморгали?

– Нет. Они не проморгали. Не умеют моргать, – улыбнулся Ванюша. – Это свыше каждому человеку предопределено, для пользы его же. И тут Ангел плачет от жалости к опекаемому, но поделаться ничем не может. И остановить его тоже не может, когда он сам лезет в "мясорубку", чтобы увечным стать. А в последние времена и вовсе стали люди рождаться сразу калеками. Отчего это? "Бодливой корове Бог роги не дал". Слышал, как в народе это подмечено?

– Слышал. И где мой персональный Ангел? Чем занят? – Михаил даже головой повертел вокруг, будто хотел увидеть "свою няньку".

– Дырки "штопает", Миха. Ты ведь сюда, как сквозь сито пролетел. Ему теперь работы восстановительной на пару дней, а потом все эти поля энергетические еще и профилактически нужно постоянно отслеживать и содержать в порядке, чтобы не влез кто и не выпотрошил тебя любимого. Слышал про "ПОКРОВ"? Слышал. Вот это тоже забота Ангела твоего. Ему бедному присесть некогда. Суется вокруг денно и ночно. А ты спрашиваешь, почему не видим и не слышим. Мечется потому что вокруг тебя со скоростью космической, язык высунувши и лязгать ему им попусту некогда. Вот когда срок в этой материальной реальности закончится твой – Создателем определенный, тогда и увидитесь. Сядете и побакланите от души. Ему тоже присесть порой хочется, но ты ведь суетишься, дергаешься, лезешь во всякие авантюры и все остальные человеки, такие же беспокойные. В общем жизнь у Ангелов вовсе не ангельская. Каторжная жизнь. Но не жалуются, несут свой крест "няньки", потому что любят вас.

– А имя есть у него? – тема Ангелов-Хранителей заинтересовала Михаила не на шутку. Он жил до сего дня особенно не задумываясь о них. Знал, конечно, что есть у каждого человека нечто так называемое, упоминаемое частенько и даже в молитвах поминаемое, но представление имел о них самое смутное. Есть и есть, а где есть и как, Михаил понятия не имел.

– Есть и имя. Тезки они со своими подопечными. Твоего, стало быть, Михаилом кличут.

– А увидеть его хоть краешком глаза можно? Вань, ты же умелец. Покажи.

– Что за любопытство детское? Могу, но я его от дел отвлеку на это время. И тебе может так заплохеть, что пожалеешь о любопытстве этом, – нахмурил брови Ванюша.

– Я потерплю. Ты на десять секунд мне его покажи, я ему спасибо скажу и все, Вань, – Михаил дотронулся кончиками пальцев левой руки до хитона Ванюши и тот взглянул на него осуждающе.

– Ему твое спасибо, как зайцу весной контрацептивы, – проворчал он, выдергивая полумантии из-под пальцев Михаила.

– Где ты этих пошлых выражений нахватался, Вань? Скоро матом начнешь загибать и, я не удивлюсь. В деревушке африканской пади? – не удержался и съязвил Михаил.

– Где, где – в Караганде, – показал ему в ответ язык Ванюша и добавил, махнув рукой обреченно. – Держись за воздух зубами. Следующие десять секунд тебе часом покажутся. Смотри на своего Ангела Михаила.

Михаил завертел головой, а в помещении лазарета вдруг стало холодать и свет притух, настолько, что в двух метрах уже ничего не стало видно. Сумерки наступили будто бы. Одновременно с внешними изменениями Михаил почувствовал и перемены внутренние. Сначала ему стало тревожно до дрожи в коленях, а потом навалилась боль, ноющая во всем теле, которую терпеть можно было только на грани возможного. Болело все, каждая клетка. Руки и ноги затряслись, губы и рот пересохла и одновременно тело начало зудеть и чесаться. Организм, предоставленный самому себе, отреагировал на свободу своеобразно.

– Ну, и где он? – простонал Михаил, перенося мучения, как он полагал, вполне достойно.

– Ну и рожа у тебя, Миха. Я потом тебе ее покажу. Тебе понравится. Да, вот же он, перед твоим носом завис. Резкость наведи и спасибо поживее говори, а то язык вон уже на плечо вывалился. Чисто вурдалак, – ответил Ванюша и Михаил уставился на что-то мельте-

шащее действительно перед самым его носом, размером чуть поболее мухи. Приглядевшись, он понял, что перед ним вертится действительно Ангел или Ангелочек скорее уж и похож он точь в точь на то, какими их изображают художники. Весь в белом и с крыльями, также белоснежными. Распушившиеся и раскинувшиеся, они сейчас образовывали вокруг Ангела ореол, который вращался как лопасти у вертолета и свет при этом от Ангела, буквально лился радужный, сквозь наступивший полумрак.

– Здравствуй, тетка,– прохрипел Михаил, скрипя зубами и выдавил из себя на губы улыбку. Вернее гримасу боли, полагая, что улыбнулся самым любезным образом и услышал внутри своей головы коротенькое,– "... ствуй".

– Спасибо хочу сказать тебе,– Михаил опять скривился в улыбке-гримасе,– "И те",– мгновенно пронеслось в ответ.

– Мне за что?– Михаил вцепился в ложе пальцами до судорог и стиснул зубы, перетерпевая боль, которая вдруг нахлынула волной, жаркой и режущей казалось все тело,– "За сбо",– мгновенно пронеслось в голове и перед глазами Михаила все поплыло, опрокидываясь и покрываясь тьмой, той самой из которой он вынырнул полчаса назад. Опять полетели звезды, сворачиваясь вокруг него и угасая навсегда в фиолетовых вспышках. Очнулся он от прикосновения ко лбу прохладной ладони и, открыв глаза, увидел личико Ванюши, сосредоточенное и серьезное.

– Ну как, удовлетворил свое любопытство? Может, продолжим? Еще секунд десять не желаешь ли?– спросил тот сварливым голосом.

– Это я так себя должен ощущать, если бы Ангела у меня не было?– спросил Михаил, облизывая потрескавшиеся губы. Тело наполнялось легкостью и он с удовольствием потянулся до хруста в суставах.

– Гораздо хуже, Миха. Ангел-то твой хоть я его и отвлек, но все же процентов на 90-а продолжал свои функции основные выполнять – Хранить.

– На 90-то? Это десять процентов такие? Бли-и-и-и-н. Да ему не "спасибо", ему нужно на коленях поклоны отбивать непрестанно. Какие мы свиньи неблагодарные, Вань.

– Точно подметил. Абсолютно с тобой согласен. Продолжай самобичевание и вспоминай потом эти слова мудрые, когда правила утренние и вечерние зачитывать станешь. Ты, правда, нерадивый молитвенник, на супругу все свалил. Повезло тебе с Катериной. Несет за двоих и свой крест, и твой. Лентяй и раздолбай. Как она тебя только терпит,– Ванюша вздохнул горестно.– Тоже ведь любит потому что. Верно в народе-то говорят, что "любовь зла – полюбишь и козла". А еще народ-то чего, по этому поводу, про козлов этих говорит...

– Ну, понес и с поля, и с Дона,– перебил его Михаил.– Ты мне лучше расскажи, как все остальные себя чувствуют? Швейцарцы тоже здесь?

– Здесь. Вставай, пошли, глянем, как они там в анабиозе, в себя приходят. Толян – журналюге этому, больше всех досталось. Перед самым лицом заряд взорвался. Жуть. Сплошная каша,– Ванюша поднялся на ноги и прыгнул на столик, затем, не задерживаясь, рывкнул "Мурка" и, угнездившись верхом на выскочившую моментально не весть откуда кошку, повернул голову к Михаилу:

– Ну, и что лежишь?

В соседнем отсеке-палате, Михаил увидел всех четверых сразу и все никак не отреагировали на его появление. Сустились рядом с ложами прапора-сиделки, настраивая аппаратуру и лица лежащих людей, показались Михаилу белее мела.

– А почему они в анабиозе, Вань?

– А ты думал как? Это у тебя коэффициент за полтинник, а у них обычный, да еще и перстенок мой тебе кой-чего подбрасывает, так что ты самый тут удачливый из всей компашки. Трех суток не прошло, как уже свеж и бодр, как малосольный огурец.

– Сколько я провалялся? Трое суток? Катюша с ума пади сошла?– забеспокоился Михаил.

– Ничего она никуда не сошла. Я вас в такую глубинку засунул, что сам теперь не помню, который век после Рождества за порогом. Как вот обратно вернемся теперь?– "успокоил" его Ванюша.

– Я смотрю, ты там, в африканской деревушке времени зря не терял и юмор специфический явно у тебя от аборигенов тамошних,– не удержался Михаил, съерничал.

– Век воли не видать, Миха. Не могу сказать точно, куда забросил вас,– стукнул себя в грудь покаянно Ванюша.

– Да какая разница?– взглянул на него удивленно Михаил.– Возвращаться знаем куда, а где мы сейчас, мне например до лампочки.

– Ну, не скажи. Понимаешь, спешил я очень. Времени совсем ничего – доли секунд,– Ванюша виновато потупился.– Лупил по клавишам, не глядя. Теперь вот сомневаюсь, что так просто можно взять и вернуться. Сам ведь вам все тут переналадил, перезагрузил и форс-мажоров насовал.

– Что-то я тебя не пойму. Что нам мешает переориентировать аппаратуру? Наберем реальное время в "альтернативке", делов на минуту,– пожал плечами Михаил.

– Так-то оно так, Миха, но понимаешь, когда я в прошлый раз перенастраивал всю эту лабудень, то у меня процентов десять времени выпало вообще из-под контроля. В этих паузах ни форс-мажора, чтобы не вляпаться, ни аппаратуры, чтобы вернуться. И, кажется, на этот раз именно в такую гадость мы и попали. Доживать придется естественным образом. Вернее – переживать этот период. Хорошо если он окажется не слишком длинным. Я век шестнадцатый выбрал, – в нем этих пауз меньше чем в остальных. И коротенькие они. Но говорю же, что спешил очень и лупил, не глядя, так что сомнения есть, что попали именно в него. А вдруг, например, во второй или, не дай Бог, в третий. Там вообще сплошные паузы. Представляешь, лет девяносто, если окажется переживать?

– Запутал ты мне, Вань, все извилины. Как нет аппаратуры? Здесь же мы – в пирамиде. Ну и что? Нет что ли цилиндров на месте?

– Куда они денутся? Есть, конечно, но могут оказаться обесточенными. Мы даже не сможем узнать который год теперь. Придется на волю сходить для этого и местных жителей расспрашивать,– Ванюша вздохнул скорбно.

– И ты за трое суток, пока я сквозь «сито продирался», не взглянул на них? Что-то не пойму я тебя. Прикалываешься что ли?– Михаил изумленно распахнул глаза, в ожидании ответа.

– «Продирался сквозь сито», говоришь?– Ванюша погладил Мурку между ушами и та довольно замурчала.– Так и я с тобой вместе сквозь это "сито" лез. Только ты, как овощ бесчувственный, а я в полном сознании на мелкие куски распался и собирал потом и тебя, и себя. До циферблатов ли мне было, как ты думаешь? А еще вот эти клиенты тоже на мне висели...

– Извини. Понятно, что не до них. Ладно, проехали. В 16-ый так в 16-ый. Разберемся. Там, какие паузы-то?

– Не очень значительные. Год, два,– улыбнулся Ванюша.

– Ну, это мы как-нибудь вытерпим. Даже три если. Не девяносто все же. Парни, когда в себя приходиться станут?

– Сейчас и вернем,– обрадовался явно Ванюша тому, что Михаил сменил тему разговора.– Вдвоем-то у нас скоренько получится. Натягивай пару браслетов своих и помогай,– Ванюша спрыгнул с Муркиной холки на ближайшую кровать, на которой белело лицо Сергея.

– А Федор Леонидович с Силиверстовичем где?– спохватился Михаил.

– С ними проще. Пули все же. Уже в "альтернативке" и в полном порядке.

– А Веник с семьей где?

– Эти в 19-ом.

– Их тоже зачистят, если появятся в Питере 21-го века?– Михаил нацепил на кисти рук браслеты, услужливо поданные Кондратием.

– Как вести себя станут. Если полезут сломя голову в эпицентр, то наверняка будут по достоинству оценены и соответственно, получают в итоге, что положено,– выдал глубокомысленную фразу Ванюша, удивив Михаила ее недосказанностью и неопределенностью.

– "Если, что положено", как-то мутно ты, брат, изъясняться вдруг стал? Проще никак? Да или нет?– потребовал он конкретики.

– Вас-то там нет, так что и не представляю, как они умудрятся, что-либо такое наворочать, чтобы поперек горла Власти стать. Скорее всего, что как-то мягко постараются приструнить. Посодют, например, в каталажку. Однозначно "Да", аль "Нет", тут сказать я не могу. Вот ты как думаешь, Вениамин сам способен там что-то возглавить, типа банды, ну или партизанского отряда?

– Это вряд ли. Он, скорее всего, побежит в "альтернативку" с нами посоветоваться, а уж потом начнет что-то предпринимать. Мы-то, я надеюсь, вернемся и посоветуем ему не высываться, раз там мочиловое опять началось,– ответил Михаил, подумав минуту.

– Ну, и зачем ты мне тогда задаешь идиотские вопросы, риторические то есть?– взглянул на него укоризненно Ванюша.

– Беспокойно что-то,– признался Михаил.– Ладно, потом поговорим, после реанимации. Делать что?

– Делай, как делал. Лезь в мозги, вправляй. Они до сих пор в шоке от взрывов. Выводи мягенько. Прогуляйся с каждым по полянке какой-нибудь, в ромашках.

– Может всех сразу выгулять?– предложил Михаил.

– Попробуй. Если сможешь, то без разницы. Просто времени меньше потратим. Ну, а я поддержу. Рядом покучусь, чтобы никто не лез и не мешал.

– Да кто полезет? Вань, прекрати загадками говорить. Или Рефелюц оклемался?

– Не в бровь, а в глаз. Быстрее, чем я предполагал. Теперь горит мщением.

– Вот только этого нам и не хватает для полного счастья. Что он может?

– Много чего. В порошок, например, стереть и по ветру рассеять.

– Почему до сих пор не рассеял?

– Дак рассеял уже троих из вашей команды и двоих посторонних при этом зацепил. Через чье "сито" ты пролетел? Угадай, со сколько хочешь разов,– усмехнулся Ванюша.

– Вот оно что. Поэтому ты тут с нами торчишь?

– Ну да. Правда, спрятались мы от него пока и где, он не знает точно, потому что я и сам пока не знаю, но ищет. Найдет если, то опять в пыль кровавую стереть постарается. Миндальничать и политесы разводить не станет.

– Так это что же выходит? Мы тут как в заключении? И управы на него нет что ли? В прошлый раз же получилось. А теперь я ведь посильнее стал,– Михаил опять приподнял удивленно брови.

– Второй раз на одни и те же грабли он не наступит, а преимущество у нас с тобой только в том, что он все же дух и может только, подселившись в кого-то, нам гадить. А это не просто. Большинство людей от такой подсадки просто с ума сходят. На десять миллионов один встречается такой, который выдерживает и начинает выполнять то, что ему велят. В 21-ом он нашел такого человечка и очень высоко сидящего, в иерархической пирамидке российского истеблишмента.

– Кто?

– ЗамПремьера по связям со СМИ. Так его должность называется,– Ванюша назвал Фамилию, ничего не говорящую.

– Вот гад. И что, он в нем сидит постоянно? Или наскоками?

– Постоянно, слава Богу. Если выползет, то лапы мужик сразу склеит. Дело в том, что его-то душонку, за ненадобностью Рефелюц вышвырнул, а тело без души жить не может. Сразу в ящик норовит сыграть.

– Так чего же мы тогда здесь опасаемся? Мало того, что он не знает где мы, так еще и привязан сам к конкретному времени?

– Он не один. У него под рукой много тварей и все сейчас рыщут, нас разыскивая. Разные есть. Очень шустрые даже встречаются. Не просто с ними бывает,— вздохнул тяжело Ванюша.

– Что уже приходилось встречаться?

– Приходилось,— кивнул Ванюша и посуровел.— И уничтожить пришлось несколько, исключительно в целях самозащитных. Понимаешь?

– Понимаю. Ладно, и об этом попозже подробнее поговорим. Я пошел,— Михаил присел у изголовья Сергея и взяв его руку в свою, закрыл глаза. Ожидая увидеть нечто подобное тому, что и у себя, со звездами и фиолетовыми пятнами. И удивился, попав в молочный туман, который обволакивал сознание ватными клочками, глуша не только зрительное восприятие чего либо, но и сами мысли. На мгновение Михаилу показалось вдруг все безразличным и лишенным всякого смысла. Где-то на периферии мелькали обрывки фраз и образы близких ему людей, пытающихся обратить на себя внимание, но тщетность их усилий была очевидна. Ни заплаканное лицо Аннушки, ни тем более сурово хмурящееся Силиверстовича, никак его не трогали. Даже любопытства не возникало и только желание отгородиться от всех этой ватной стеной, крепло и росло. Михаил махнул рукой, пытаясь разогнать молочную взвесь, но она мелькнула у него перед глазами совершенно невидимая, а туман, похоже, загустел, налившись желтизной и заползая в ноздри и глаза.

– Гадость какая, Серега,— пробормотал Михаил, резко вскакивая на ноги и дергая за руку лежащего рядом друга. И мир сразу изменился. Наполнился красками и солнцем. Вокруг была та самая полянка с ромашками, растекшимися по ней, молочно-желтым туманом.

– Совсем другое дело,— Михаил похлопал по спине стоящего рядом Сергея, который стоял с закрытыми глазами и вздрагивал, прислушиваясь к чему-то своему, внутреннему.

– Глазенки-то можешь и открыть уже, Серый,— Михаил опять постучал друга по спине и довольно чувствительно. Хлопки разнеслись по поляне, нырнули в заросли, обступившие ее, спугнув пару пестрых птиц, и затихли, увязнув в темно-зеленой листве.

– Бли-и-и-н. Где это мы, Миха? На том свете? Умерли?

– Ага, размечтался. Живы пока. В "альтернативку" нас Ванюша перетащил. Это у тебя глюк, а на самом деле валяешься сейчас в лазарете "мазаришарифской" в отрубе и никак в себя прийти не можешь. Видать гранаты произвели впечатление неизгладимое. Вот, приходится возиться с тобой.

– Глюк?— Сергей недоверчиво взглянул на Михаила и присев, сорвал цветок ромашки. Понюхал, сморщился, чихнул и рассмеялся. — Прикалываешься? То, что мы коньки не отбросили, конечно, радует, а вот "глюк" что-то уж больно достоверный,— Сергей сунул руку в карман, достал пачку сигарет и закулив, выдохнул дым в сторону Михаила.— Давай, выкладывай, "глюк", что там и как?

– А чего выкладывать? Мне еще батюшку Петра Павловича на эту полянку выдернуть нужно и Анатоля с Мерседес тоже. Они рядом с тобой в анабиозе зависли. Погоди тут пару минут, я живо за ними смотаюсь, ну и потом всем все сразу и расскажу, чтобы несколько раз не повторяться,— предложил Михаил план мероприятий.

– Вали коль надо,— согласился Сергей, падая в траву и развываясь в ней на спине, закинул ногу на ногу, дымя паровозом.

– Свет выключить?— с ехидной интонацией, осведомился Михаил.

– Солнце что ли? Не, пусть светит. Чего застрял? Мотай, давай,— отмахнулся от него Сергей.— Занудой ты, Мишка, с возрастом становишься.

– Я тебя тоже люблю,– ответил Михаил, наощупь перемещаясь к следующей кровати, на которой расположился свободный журналист – Анатолий Дарье. Здесь все оказалось гораздо проще, чем у Сергея. Дарье ощущал себя не в ватной субстанции, а во вполне прилично выглядящей, с дизайнерской точки зрения, пещерке. Маленькая и уютная, она была явно специально создано именно вот для такого случая – чтобы в ней спрятался именно представитель свободной прессы. Именно для него весь пол был уставлен различной полиграфической аппаратурой, которая мигала и вышвыривала из своего нутра листы печатной продукции.

Михаил поднял один из свежавывавших и прочел надпись, сделанную наискось, крупным, жирным шрифтом по-французски. – "Интеллектуальная собственность мсье А. Дарье".

– Роман что ли решил настрочить, мсье Дарье? Позвольте узнать о чем? Уж не о приключениях ли ваших в России?– обратился он к сидящему на полу журналисту, обхватившему голову руками, очевидно, в припадке творческих мук. Голос Михаила, прозвучал в пещерке неожиданно гулко, заматавшись эхом от стены к стене, будто была она размером не с медвежьим берлогу, а в десятки раз больше. Услышав его, швейцарец прекратил теревить свои локоны и, взглянув на него снизу вверх, пробормотал:

– Всегда мечтал поселиться вот в такой естественной природной среде. Тихо здесь. Хорошо. А там у вас как?

– У нас полянка с ромашками и привет тебе от Мерседес. Приглашает на пикник,– улыбнулся ему Михаил.

– Мерседес? Она жива?– Анатолий вскочил на ноги.

– Разумеется,– кивнул Михаил.

– А взрыв? Это что было? Как это все объяснить?– прорвало Анатолия.

– Пошли на полянку. Там всем сразу и объясню,– Михаил повернулся и, отбросив полог из шкуры какого-то животного, вышел из пещерки прямо на полянку. Следом, наступая ему на пятки, двигался Анатолий, бормоча: – Мерседес, любовь моя, я лечу к тебе на крыльях любви.

– Повыше копыта при этом поднимай, Анатолий, затоптал уже,– сделал ему замечание Михаил.

– Прошу прощения, мсье Мишель,– запыхтел сконфуженно журналист в спину Михаила.

– Можно и без мсье, мсье Анатолий,– Михаил остановился рядом с Сергеем, который продолжая дымить, скосил глаза на его ноги и проворчал недовольно.

– Чего повис над душой и солнце загородил, отвали я отдыхаю.

– Мсье Серж, рад видеть вас целым и невредимым,– вылез из-за спины Михаила швейцарец.

– Взаимно,– Сергей сел и протянул руку журналисту для пожатия. – А ты чего стоишь? Вали за остальными. Давай, давай, давай. Извел уже всех тут своей черепашьей расторопностью,– заорал он на Михаила. – Я уже третью сигарету сжег. Что ты, в самом деле, как не живой?

– Сколько? Три уже успел? Да меня полминуты не было,– удивился искренне Михаил.

– Значит, время в этом "глюке" твоём, у нас по-разному течет. Шевелись,– сверкнул глазами возмущенно Сергей.

– Это не мой – это ваш. Ладно, пусть наш,– Михаил махнул рукой, чтобы остановить возражения, которые готовы уже были раздаться из уст Сергея. – Займитесь тут, чем-нибудь пока с Анатодем, я за Мерседес. Раз уж тут сюрпризы обнаружились с временем, то бегу, вдруг уйду на пару минут, а вы тут год прождете,– Михаил вытряхнул из ладони колоду карт. – Вот, поучи пока интуриста в подкидного дурака играть.

– Год? Да мы тут с голоду сдохнем,– возмутился Сергей. – Вернешься и две мумии здесь обнаружишь, ядрена вошь,– Сергей щелкнул пальцами и рядом с колодой карт упал в траву ржавый наган. – Это чтобы совесть, когда грызть начнет, то было из чего застрелиться,– объяснил он зловеще.

– Нормально. Стволы из него вылетают раритетные запросто, а сухарей, тем более сможешь, если что, нащелкать,– отмахнулся от него Михаил, наощупь перемещаясь по лазарету к следующей кровати, с лежащей на ней Мерседес и, успев на прощанье услышать возмущенное:

– Продукты картонные получаются, через М.Э. Забыл? Сам грызи такое. Шевели батонами. Время не ждет,– рявкнул ему вслед Сергей, тем не менее, вытряхивая на траву ящик с бутылками, задрезавшими от удара.

"Интересно пиво у Сереги с каким вкусом получилось",– подумал Михаил, присаживаясь рядом с мадемуазель Мерседес. Взяв ее сухую ладошку в свою руку, он даже вздрогнул от нахлынувших на него образов и ощущений. Было жарко, просто нестерпимо, потому что вокруг во все стороны расстилалась саванна или попросту степь. Редкие клочки травы, на высохшей и потрескавшейся почве, делали пейзаж унылым до спазмов в желудке, но саванна, тем не менее, жила активно и шевелилась со всех сторон, пыля копытами и наполняя уши ревом и блеянием. Утробно рыкнул кто-то за спиной и Михаил, невольно оглянувшись, выпустил руку девушки, забыв о ней на мгновение, а она, стоящая рядом, оттолкнула его, закричав по-французски.

– Мсье – это мой лев. Не мешайте,– выпалила из карабина раз за разом трижды в летящую на них в прыжке тень, рыже-серую. Что-то мелькнуло перед самыми глазами Михаила, опахнуло падалью и кислым тошнотворными миазмами потовых желез, исчезая где-то за спиной с ревом и топотом. Михаил щелкнул пальцами, вырывая себя и девушку из морока ее фантазий и ромашковая полянка, распушившаяся вокруг, показалась ему райским уголком, после африканского пекла. Здесь, рядом с ящиком присевшие, Сергей с Анатолом, уже откупорили бутылки и с унылыми физиономиями засунули их обратно в ящик. Очевидно, вкус не соответствовал ожидаемому, поэтому Сергей, с брезгливым выражением на лице, рассматривал этикетку, что-то бормоча себе под нос. Появление Михаила и Мерседес его явно обрадовало, так как он тут же опустил бутылку темного стекла в ящик и, вскочив на ноги, заорал:

– Молодец!!! Правильно я тебе фитиль вставил. Минуты не прошло, а он уже здесь и с барышней. Анатолий, встречай гостью, а ты давай обратно за Павловичем. Рот закрой и назад. Мадемуазель Мерседес, мы вас рады видеть и все такое, не желаете ли партию сыграть в картишки? Покер, подкидной дурак?– раскланялся Сергей перед девушкой, которая все еще сжимала в руках карабин и оглядывалась по сторонам, не понимая, что произошло, и куда это она попала, прямо с сафари. Михаил, не вступая в пререкания с Сергеем, повернулся и шагнул в ближайшие кусты, сориентировавшись по направлению к кровати с последним своим пациентом, которого "прапора" упаковали в самый дальний угол палаты и аппаратуры вокруг наставили чуть ли не столько же сколько у всех остальных вместе взятых. Очевидно, Петру Павловичу досталось все же гораздо больше, чем всем остальным, тем более, что на него давила еще и моральная вина, ведь это он "лопухнулся" и не "просек" ситуацию. И теперь, терзал себя в анабиозе так, что когда Михаил, добравшись до него, попытался войти в этот замкнутый на себя мирок, то получил сразу столько впечатлений разнообразных, от словесных до физических, что не сразу и сориентировался в этом шуме, гаме и вое, где его отец фактически находится. Пространство ошетинилось иглами, с которых капала кровь, и само было похоже на лезвие ножа, отточенное, холодное и беспощадное.

– Да, ты пап, похоже, растворился в этом сюрреализме...– Михаил щелкнул несколько раз пальцами, вышвыривая прочь, как мусор все колющее и режущее с глаз долой и, наполняя, освобождающийся объем, солнечным светом. Лучик солнечный просверлил сначала одно крохотное отверстие, затем еще несколько, потом прорвался сплошным потоком и Михаил, не мудрствуя лукаво, соединил полянку в ромашках с этим внутренним миром отца, усадив его рядом с Мерседес, которая повисла на плечах журналиста и что-то шептала ему на ухо.

Петр Павлович, придерживаемый за плечи сыном, тихо стонал, стиснув кулаки, прикусив нижнюю губу и на обращенные к нему призывы, не реагировал. Он был все еще там, среди

ножей и игл, и вырваться, из небытия кровавого, не пытался. Создал для себя Ад, и, ухватившись за него, мучил себя, страшась того, что реальность еще хуже.

– Все нормально, па. Мы живы,– Михаил потряс слегка отца за плечи.– У нас, ты забыл, наверное, есть один хороший знакомый – Ванюша. Вытащил из пекла. Так что, не казись, все обошлось. Открывай глаза, сейчас поподробнее все расскажу,– Петр Павлович, дернулся от его голоса, но стонать перестал и глаза открыл. Пролегшая на лбу, резкая как шрам морщина, удивленно перекосилась, и он прошептал дрожащим голосом.

– Сынок, живой?

– Все живы,– Михаил прижал голову отца к своей груди.

– Простите меня. Моя вина,– начал каяться тот, содрогаясь в спазмах рыданий.

– Почему твоя? Воля Божья, па,– возразил ему Михаил.– Мне Ванюша все тут разжевал. Слишком мы активно взялись за эту объективную реальность и буквально поскакали по "хвостам". Вот и оказались сразу на виду. И очень не понравились, кое-кому там. Всех ведь наших зачистили, кроме женщин. Так что, как всегда, на их плечи хрупкие все обрушилось.

– А мы теперь где?– Петр Павлович принялся оглядываться по сторонам.– Что за место такое?

– Это что-то вроде "карантина" для выздоравливающих. А на самом деле, все вы в лазарете "мазаришарифском" отдыхаете, под присмотром "прапоров". Тела физические. А души, стало быть, здесь. Сейчас посидим, поговорим. Все поймем правильно и назад в тушки свои. Их там пока Ванюша караулит от всякой нечисти. Боятся, что набегут и займут, пока мы отсутствуем.

– Что за нечисть?– Петр Павлович приходил в себя на глазах, даже румянец на щеках появился и глаза заблестели.

– Понимаешь. Мы с Ванюшей в прошлый раз, когда заклать поганское Рефелюца снимали, то он вроде как должен был торчать где-то типа в Преисподней долго. По прикидкам Ивана. Но вылез, скотина рогатая и теперь опять же, по словам Иванушки, заселился в Российского чиновника не самого мелкого. Так что удивительно, что мы почти день смогли продержаться ТАМ.

– А в "альтернативку" он тоже заявиться может?– Петр Павлович моментально врубился в возникшую проблему.

– Тоже. Поэтому сидим мы сейчас в веке примерно 17-ом, куда нас Ванюша впопыхах засунул, вытаскивая из джипа. Спешил так, что сам точно теперь не знает, куда зашвырнул.

– Давай подробно все минусы и плюсы, Мишаня,– Петр Павлович улыбнулся почти нормальной улыбкой.

– Тогда я сначала наших попутчиков, друзей теперь по скитаниям, сначала ознакомлю кое с какой информацией. Иначе, я вижу, у Анатоля глаза уже совершенно круглыми сделались. Не понимает ведь ничего из наших с тобой реплик. В общем количество посвященных в проект ХЗХ увеличивается еще на двух человек,– Михаил выдернул из ящика бутылку пивную и прочитал на этикетке.– "Пиво Вечное".– Ну и как вкус?– поинтересовался он у Сергея, вскрывая пробку о край ящика, который Сергей состряпал из дубовой доски не иначе.

– Никакой,– коротко бросил тот в ответ.

– Серега, ты не учел одного обстоятельства. Мы в "глюке", а это значит, что и продукты здесь должны быть нормальными. Просто ты стереотипно мыслишь. Подсознательно уверен, что получишь результат "никакой" и выдаешь именно его,– Михаил щелкнул пальцами и, попробовав напиток, удовлетворенно кивнул.– Пожалуйста. Прямо из холодильника. Угощайтесь, господа, пока я буду вам политинформацию читать,– предложил он всем.

– А верно ведь,– обрадовался Сергей, потянувшись к ящику.– Петр Павлович, вы как?

– Не откажусь,– улыбнулся тот в ответ, принимая протянутую ему посудину.

– Все, я начинаю,— Михаил похлопал в ладоши.— Прошу тишины и не перебивать. Все вопросы в конце. Кто сразу не поймет, повторю еще раз. Потом начну стучать по головам. Вбивать понимание, невзирая на пол и возраст.

– И мне вобьете, мсье Мишель?— всполошилась мадемуазель Мерседес.— Я вооружена. Имейте это в виду,— продемонстрировала она карабин.

– Вам сделаю исключение, мадемуазель,— успокоил ее Михаил и начал "политинформацию".

Попытался сжато ввести швейцарцев в тему XZX- проекта допотопного, но увидев в их глазах недоверие разрастающееся, после каждого слова им сказанного, остановился и, почесав озадаченно затылок, принял единственно верное, по его мнению, решение:

– Это по ходу все узнаете. Будете спрашивать, у кого захотите из "старичков" когда возникать будут вопросы по текущим моментам. А сейчас я останавлиюсь на насущных проблемах, в которых мы увязли по уши, в буквальном смысле слова. Все здесь находящиеся, ну и отсутствующие члены нашего "тайного ордена". И еще неизвестно кому хуже. Им ТАМ... или нам ЗДЕСЬ. Вопрос открытый. Ну, а вам, Анатолий и Мерседес, прошу прощения, что так запросто – без мсье и мадемуазель, но вы сейчас на нашей территории и, влившись поневоле, правда, или скорее уж – влипнув, в наше дружное сообщество, тем самым стали нам ближе и роднее, так что отставим церемонии китайские. Или вы, против?

– Мы не возражаем, Мишель,— улыбнулась Мерседес.— Я знаю, что у вас в России даже есть пословица про вот такую ситуативность.— "В чужой огород, со своей морковкой не лезь".

– Браво, Мерседес. Вам удалось универсировать сразу три наши пословицы в одну. Про Тулу с самоварами, монастыри с уставами и чужие огороды с огурцами. Но суть уловили, а это главное. Анатолий?

– А я что? Я, как и Мерседес, тоже за монастыри и огороды с огурцами. Ничего, правда, не понял, но вам я доверяю в последнее время все больше и больше. Раз говорите, что так полагается у вас, то назовите хоть как, только в микроволновую печь не сажайте.

– И вы тоже знаток русских поговорок, Анатолий? Где про печь слышали?

– Читал у ваших классиков. Они у нас в переводе изданы, а я любитель чтения на досуге. Журналист все же. Профессия обязывает быть начитанным,— приосанился Анатолий.

Глава 2

– Рад за тебя, Анатолий, совершенно искренне. Ну, и, пожалуй, на этом мы и закончим вводную часть моей "политинформации". Смотрю на вас и вижу, четыре вполне осмысленные физиономии. Даже не верится, что всего полчаса назад, каждая из них занималась черт знает чем,– Михаил поднялся на ноги и хлопнул в ладоши.– По койкам, господа. Пора обедать в реальном физическом теле. Вдруг там тоже год прошел за это время.

Год, к радости всех очнувшихся в лазарете на своих больничных постелях, не прошел, но аппетит у всех оказался таким зверским, что "прапора" не успевали менять блюда.

– Ну, братцы-кролики, опять же рад за вас уже в "реале",– Михаил пил свой кофе и внимательно разглядывал выздоровевших соратников.– Серега, прекрати чавкать, как поросенок, ты Мерседес пугаешь. Треснет сейчас тебя по башке тарелкой и правильно сделает, между прочим.

– Кто чавкает?– обиделся Сергей.– Сам хлюпаешь, как теленок. Мерс, хряпни его чем-нибудь, ты удачно с ним рядышком сидишь. Я потом что-нибудь тебе за это подарю. Хочешь тонну золота или мешок брюликов?

– Мешок чего?– не поняла русского термина девушка.

– Алмазов ограненных,– Сергей протянул ей поварешку.– Вот, очень удобный черпак.

– Мешок большой?– Мерседес с интересом разглядывала протянутый ей кухонный инвентарь.

– Да любой. Хоть из-под сахара. В него этих стекляшек килограммов пятьдесят влезет. Бери и лупи,– Сергей продолжал держать поварешку протянутой.

– Пятьдесят?– Мерседес взяла поварешку двумя пальчиками и положила ее на стол.– Шутите?– вздохнула она.– А мне грустно.

– Не верите?– завелся Сергей и, хлопнув в ладоши, вывалил прямо у ног девушки тот самый пресловутый мешок из-под сахара, набитый под завязку, которую он изобразил в виде огромного красного банта.– Вот, пожалуйста. Размером с грецкий орех. Проверяйте, если хоть один меньше вот этого окажется, то тогда не Михаилу, а мне в лоб разрешаю закатать,– Сергей протянул Мерседес бриллиант, засиявший в лучах электрического освещения, всеми цветами радуги.

– Как это вы сделали?– раскрыла рот девушка, принимая подарок и восторженно на него уставившись, широко раскрытыми глазами.

– Да проще пареной репы. Вот с помощью этого браслета. Волшебный он. Магический. Вы тоже если его наденете, то сможете фокусы вот такие без труда проделывать. Ну-ка, как там тебя, служивый, замерь у наших гостей их коэффициент магический,– скомандовал Сергей одному из «прапоров», перетаскивающих медицинскую аппаратуру.

– Меня Епифаном нарекли,– пропищал "прапор", подвернувшийся Сереге под руку.

– Это кто ж тебя так окрестил, парнище?– удивился Сергей.

– Старшой наш – дядька Кондратий. Нравятся ему такие имена из святок,– вздохнул "прапор" жалобно, одновременно выполняя сканирование.– Готово.

– Ну и что там?

– У мсье единица, а у мадемуазель пятерочка,– сообщил результат Епифан.

– О как!– Сергей, приподняв правую бровь и с любопытством разглядывая, ничего пока не понимающую швейцарку.

– Что-то со мной не в порядке?– беспокоилась она, под его пристальным взглядом.

– Да вы ведьма, сударыня. Судя по этому тестированию. Вас бы в средние века инквизиция на костре сожгла наверняка. У вас коэффициент второй по величине в нашей компании, после Михаила. Даже не спрашивайте, какой у этого колдуна. Но у вас второй результат.

– Ведьма? И что теперь?– совершенно растерялась девушка.

– Как жить с этим? Да, как и раньше. Без браслета вот такого, ваша пятерочка от единички Анатоля не особенно и отличается. Но вот если браслетик на руку оденете, а он накапливает магическую энергию, то, пожалуй, много чего сможете себе позволить. Мешок бриллиантов для вас, что для меня, мешок семечек сотворить. Не хотите попробовать, мадемуазель?– Сергей протянул девушке браслет и она, одев его на запястье, спросила.

– И что делать теперь?

– Теперь представьте себе в цветах и красках все, что в голову взбредет, только не слишком громоздкое. Начните с мелочи. Брошку, колечко, сережки. Чем отчетливее нарисуете предмет в своем воображении, тем получится лучше. Пальчиками щелкните, вот так,– Сергей продемонстрировал щелчок.– Или в ладошки хлопните, когда уверены будете, что пора уже материализовать вещь. Вот, пожалуй, и вся премудрость. Смелее. Глазки можно закрыть, чтобы мы вас своими рожами не отвлекали.

– Поняла,– Мерседес произнесла это слово с такими нотками сомнений, что стало понятно всем – не верит. Думает, что Сергей над ней подшучивает.

– Не верите? Напрасно. Попробуйте и убедитесь, что это не "пустой треп", как у нас говорят.

– Закрывать глаза и задумать вещь? И все?– переспросила девушка, послушно зажмуриваясь.

– Пальчиками еще щелкнуть не забудьте.– Напомнил ей терпеливо Сергей.– Умеете?

– Умею,– кивнула Мерседес, щелкая демонстрационно "перстами". И на колени, сидящему напротив нее Сергею, сверху рухнуло, материализовавшись, обручальное кольцо. Получилось оно к его счастью не очень тяжелым – кило на пять и, упав с высоты пары метров, отскочило от его ноги и покатилося, сверкающим обручем, по полу лазарета.

– Ни фиги себе колечко! Первый блин комом – это нормально!– взвыл Сергей, растирая ушибленное место и провожая взглядом "первый блин комом". "Блин" ткнулся в ноги Петра Павловича и он, подхватив его, положил на столик перед "колдуньей", сидящей с открытым ртом.

– Поздравляю. Вы бы поглядели какой "блин" выпек ваш инструктор в свое время, когда примерил первый раз этот артефакт допотопный. Я вам как-нибудь продемонстрирую. Он у меня дома на комодке стоит,– улыбнулся Петр Павлович девушке ободряюще и подмигнул ей при этом озорно.

– Это я... мое?– испуганно произнесла Мерседес, не сводя взгляда с кольца.

– А кто же, милая? Браслет-то у тебя на руке,– подтвердил Петр Павлович.

– Я подумать ничего не успела. Почему колечко получилось и большое почему? Мне велико такое будет. Как носить?– запаниковала девушка.

– Носить не обязательно. А о колечке, очевидно, вы подсознательно все же думали. Ана-толь скорее всего причина тому. А большое получилось... наверно потому что очень хотелось, чтобы надежным было. Ну, раз и навсегда. Вот так и проявилось в размере, скорее всего,– высказал свою версию Петр Павлович.– Это легко исправить. Михаил сначала коробок спичек размером со шкаф выдал "комом". А потом расфасовал по мелким коробкам. Быстро навык приходит. Представляете спички размером с бейсбольную битку?

– Я могу еще щелкнуть?– засмушалась девушка.

– Попробуйте, только без фанатизма,– Петр Павлович, хлопнул в ладоши, активируя "Завесу". Его примеру последовали все остальные, за исключением швейцарцев, удивленно глядящих на них.

– Мишань, обеспечь соратников броней,– попросил Петр Павлович и Михаил, щелкнув пальцами, выполнил его просьбу. – Давайте, Мерседес. Теперь хоть с колесо трактора можете колечко сделать и на голову Сергею сбросить. Не почувствует. Это еще один артефакт. "Заве-

сой" называется. Вроде бронежилета, только не магический, а вполне материальный,— Михаил объяснил швейцарцам принцип работы "Завесы", продемонстрировав пластину.

— Чудеса!— только и смог за обоих вымолвить журналист.

— Нанотехнологии, Анатоль. Вы быстро к ним привыкнете. Давайте, Мерседес. Попытка номер два. Разбейте этот обруч для бочки, на мелкие звенья.

Мерседес опять зажмурилась и дважды хлопнула в ладоши, заставив всех завертеть головами, так как кольцо на столике, каким либо видимым изменениям не подверглось.

— Почему оно не послушалось?— разочарованно пискнула "ведьма".

— А что вы от него хотели, Мерс? Может оно, еще переваривает ваше пожелание? Не врубилось,— посочувствовал девушке Сергей.

— Ничего особенного я не задумала. Просто из одного большого хотела сделать два поменьше и чтобы надписи внутри памятные были. Про любовь вечную и верность на всю жизнь.

— Понятно. Колечко от такой дерзости видать "крышей поехало" и "выпало в осадок",— прокомментировал ее слова Сергей.

— Я не понимаю ваших идиом, Серж. Скажите проще?— взглянула на него умоляюще Мерседес.

— Проще если, то вторая половина вашего чародейства вполне удалась. Можете сами убедиться. Надпись выгравирована. "Пусть нас разлучит только смерть". Красиво. Эх, Анатоль, да если бы я был не женат, да если бы тебя здесь не было, да если мне бы еще бы...— Сергей махнул рукой сожалеюще.

— То ты бы, тогда бы чего?— Михаил похлопал друга по спине и тот, подпрыгнув на стуле, заорал:

— Что за манера подкрадываться сзади? Гад ты, Мишка. И ведешь себя по гадски. Павлович, врежьте ему в лоб по-отцовски. Чтобы не пользовался своими преимуществами. Снял "Завесу" ведь паразит, подкрался и вмазал. Больно, блин. Чтобы тебя дети твои на старости лет так потчевали — Петька с Пашкой и все остальные, зараза.

— Это я тебе от Аннушки привет передал, чтобы хвостом не вертел,— Михаил взял колечко "обручальное", прочел надпись и хмыкнул.

— Теперь, пожалуй, и я не смогу это изделие разбить на мелкие фрагменты. Жестко вы его к своей судьбе приковали. Как бы следом кататься не пришлось до самой вашей кончины.

— Вот так получилось?— Мерседес затряслась и прижалась испуганно к Анатолю.— И что делать теперь с этим?— ткнула она пальчиком в кольцо.

— Есть у нас один друг, который, пожалуй, с этой проблемой справится, но вот что-то пропал куда-то и не показывается, хотя давно уже пора. Эх, черного кобеля не отмоешь до бела,— вздохнул Михаил. Выпрыгнувшая из ниоткуда кошка с сидящим на ней верхом человека с вогнали новых членов "ордена" в ступор. Оба замерли, открыв рты.

— Разрешите представить вам нашего общего друга и спасителя — Иван,— торжественно произнес Михаил.— А это, Вань, мадемуазель Мерседес Рекруа и мсье Анатоль Дарье. Прошу любить и жаловать.

— Имена мне нравятся. А вот рты открытые, нет,— расхохотался Ванюша.— Вы что, кошек никогда не видели?

— Ви-ви-дели, мсье Ванья. Оч-чень приятно. А как ваше полное имя?— прошептала растерянно Мерседес.

— Мерс, не спрашивай. Его полное имя очень длинное. Полчаса нужно произносить. Никакой памяти не хватит. Я один раз попробовал, так он меня чуть не задолбал за это время. Поэтому — Иван. Ванюша, если ласково,— ответил за Ванюшу Михаил.

— Ваню-ю-ша,-пропела девушка и протянула Ивану ладошку.— Рада, очень и спасибо вам огромное. Ведь это вы нас спасли? Просите, что хотите. Все что у нас есть — ваше.

– А что у вас есть?– склонил голову Ванюша и лукаво прищурился, церемонно пожав мизинец. Затем он обскакал всех присутствующих, хлопая звонко ладошкой по подставленным ладоням и вернувшись к Мерседес, замер в ожидании.

– Одежда есть, телефон мобильный и немножко денег,– Мерседес поспешно выложила на столик и телефон, и кошелек.

– Это все мне?– обрадовался Ванюша.

– Мне ничего для вас не жалко,– закивала в ответ, тоже радостно, девушка.– Сумочка моя жаль ТАМ осталась. У меня в ней очень много полезных вещей было.

– Эта?– Ванюша спрыгнул на пол и полез под кровать. Выволоч из-под нее женскую сумочку и бросил ее на колени Мерседес.

– Да. Она. Ой, как вовремя нашлась,– девушка принялась вытряхивать из найденной сумки на столик всякую всячину, и гора полезных вещей получилась действительно впечатляющей.– Вот,– выдохнула она.– Все что понравится, можете взять.

– Спасибо,– Ванюша запрыгнул на столик и принялся сортировать содержимое, перекладывая с места на место.

– А это зачем?– продемонстрировал он хозяйке пилку для ногтей и, получив ответ, остановился на этом предмете.

– Это возьму. Можно?

– И все?– разочарованно спросила Мерседес.

– Остальное оставьте для следующего раза,– улыбнулся ей в ответ Ванюша, уменьшая пилку и пряча ее в складках своей мантии.

– Следующего?– Мерседес, испуганно взглянула на Михаила.– Нас что, будут постоянно теперь убивать?

– Не пугай ты, Вань, девушку. Не так уж это и часто происходит даже в нашей экстремальной жизни. Не чаще одного раза в десять лет,– выдал статистику Михаил.

– Ой! Ведь больно-то как,– пригорюнилась Мерседес и, слезинки покатались из ее глаз.

– А сам?– дернул Михаила за рукав Сергей.– Мерс, не слушайте их обоих. Это вообще при наших возможностях практически исключено и не так уж и больно. Вот помню, как-то свернули мне шею – это было больно и потом месяц сны кошмарные снились, а вот когда позвоночник перебили, то вполне терпимо. И всего часов шесть пришлось поваляться. А когда в пропасть упал метров со ста и все кости сломал, то вообще через пять минут уже все было в порядке. Привыкаешь очень быстро. Страшно первые десять лет. А потом...– Сергей пренебрежительно махнул рукой.

– Что?– замерла испуганно Мерседес.

– Потом, как с гуся вода. Отряхнешься и снова в бой,– почти торжественно, закончил Сергей.

– Спасибо. Я поняла. Вы, мсье Серж, сколько раз уже умирали?– Спросила девушка.

– Раз пять, наверное. Я не считал,– Сергей пожал плечами.– Эй, Кондратий, глянь в архив. Сколько раз меня замочили за эти годы суетные?– обратился он к «прапору».

– Тридцать тысяч четыреста восемнадцать раз нанесли смертельные удары в различные жизненно-важные органы. Устройство условно именуемое "Завеса", отразила тридцать тысяч четыреста четырнадцать из них. Положительный результат – четыре летальных исхода,– доложил Кондратий.

– Вот, слышите? Даже меньше и почему? Потому что, в этой самой "Завесе" в этих четырех случаях я не был. Таким образом, что?..– Сергей сделал паузу, а Мерседес пожала плечами.

– Таким образом, если соблюдать технику безопасности, то летальных исходов можно избежать вообще. Даже если в вас попадут из того поганого гранатомета. Как он там называется у этих отморожков? "Муха" вроде бы.

– А-а, почему тогда мы ТАМ не экипировались в эту "Завесу"?– спросила Мерседес.

– Вот, Мерс, вопрос прямо не в бровь, а в глаз. Давай, Мишутка, продолжай свою лекцию про космические корабли, которые бороздят просторы Большого театра, а у меня что-то от всех этих треволнений, глаза заслипались. Я прилягу и вздремну чуток, ладно?– Серега зевнул, потянулся до хруста в суставах и упал на свое ложе. Очевидно, он действительно зверски хотел спать, потому что тут же засопел и даже слегка всхрапнул, видимо от удовольствия, которое испытал, очутившись в объятиях Морфея.

– Нервы как у носорога,– проворчал Михаил, взглянув на друга с завистью.

– Сам бегемот,– пробормотал Сергей сонным голосом и, повернувшись на бок, засопел еще глубже.

– Ну и спи. Обойдемся без твоих идиотских комментариев,– Михаил повернулся к Ванюше, который усевшись рядом с Мерседес, чистил ногти, подаренной пилкой.

– Ванюш, объясни-ка ты нам бестолковым, почему вот это колечко не желает рассыпаться на мелкие изделия? Я попробовал, не удержался помочь Мерседес, но, увы. Потерпел фиаско.

– Чего терпел?– спросил Ванюша.

– Неудачу потерпел. Ты что итальянский язык не выучил до сих пор?

– А зачем он мне нужен был? Я по алфавиту двигаюсь, изучая обстоятельно нации и народности. Русских, правда, пришлось волей неволей прежде всех изучить. Ты понимаешь почему? А вот остальных по порядку изучаю. До буквицы "И" я еще не добрался.

– Очень, значит, обстоятельно изучаешь, при твоих-то способностях,– понял Михаил. – А племя это африканское у тебя на какую букву?

– На "Ж". Вот у них-то и застрял. Ты же знаешь, что если я за что-то берусь, то пока не закончу начатое, не останавливаюсь. А у них фонетика с морфологией такие сложные, куда там этому "фиаске" итальянскому. Правда, я уже слов пару сотен знаю, но пока говорю очень скверно,– Ванюша выдал хриплый клекот, вытянув губы трубочкой и пару раз кашлянув, спросил. – Как думаешь, что сие означает?

– Вой голодного шакала в лунную ночь,– попробовал угадать Михаил и Ванюша восторженно закричал.

– Ну вот, не зря я тебе добавил силенок. Есть в тебе что-то эдакое. Почти ведь угадал. Это так аборигены величают своего вождя. А по-русски это означает. – Мудрый пес, проживший много лун и потерявший один глаз на охоте.

– И где я тут чего угадал? Где про шакала? Может ты перепутал и вождя зовут – "Мудрый шакал потерявший глаз и свихнувшийся от огорчения"?– рассмеялся Михаил.

– Нет. "Мудрый пес, проживший много лун и потерявший глаз на охоте",– Ванюша снова взвыл и в конце захрипел так отчаянно, что даже Мерседес не удержалась и погладила его по голове.

– А сейчас я что сказал? Кто рискнет угадать?– похоже, что Ванюша готов был продемонстрировать немедленно все двести слов, которые ему удалось выучить в африканском племени.

– Рискну предположить, что это "Мудрый пес и т.д." подавился чем-то вроде банана, а ты оказался кстати рядом,– попробовал рискнуть опять Михаил.

– И снова тебе бонус, Мишаня. Я в восторге от твоих блестящих способностей. Это действительно так в племени называют период сбора урожая кокосовых орехов.

– Кокосов? Но я-то предположил что банан. И что не собирают, а подавился вождь им. Вон как ты хрипел. У меня мурашки по коже побежали,– рассмеялся Михаил.

– Какая разница? Кокос, банан? Главное, что мышление у тебя аналитическое в верном направлении сразу вектор выстраивает,– Ванюша зарычал, очевидно, решив воспроизвести следующую фразу им изученную, но Михаил дернул его за плечико и прошептал:

– Вань, давай языком африканским займемся позже, а? Я специально для этого тебе себя на целый день выделю. А сейчас очень тебя прошу, давай займемся нашими насущными проблемами.

– Ловлю на слове. Все будете свидетелями. Так чего там у нас с этим кольцом? Фиаска?– согласился Ванюша, взглянув на кольцо проблемное.

– Фиаско,– поправил его Михаил.

– Один хрен. Подумаешь вместо "О" "А" произнес. Ну и что там это фиаскоО-О-О?– проворчал Ванюша.

– Мерседес привязала его к себе надписью, и теперь оно не подчиняется магии,– терпеливо объяснил Михаил.

– Что за надпись?– Ванюша прыгнул на стол и прочел выгравированную фразу.– Полный бред, но с чувством. Уважаю. Проблемы тут нет никакой. Два способа в легкую ее решить. Первый – это умереть, как в надписи и указано. Тогда колечко мгновенно утратит заклятье. А второе... – Ванюша интригуяще замолк.

– Что второе? Первый не годится. Жаль девушку. Только ведь выпарапалась из джипа. Не тяни kota за хвост, Вань,– не выдержал Михаил.

– Стереть гравировку,– рассыпался смешком Ванюша.

– Тьфу ты,– Михаил щелкнул пальцами, и надпись внутри кольца исчезла, а само оно тут же взвилось к потолку и просыпалось дождем из обручальных колец. Колечки запрыгали со звоном по полу, и одно упало на колени Мерседес. Анатолю тоже повезло – колечко обручальное упало ему на голову и, скатившись, оказалось в подставленной им машинально ладони.

– Ах!– восхищенно вскрикнула Мерседес, схватив кольцо и проверяя впору ли. Оказалось в самый раз. Анатолий так же сунул свой палец в свое кольцо и радостно повернул лицо к подруге:

– Это предложение руки и сердца, милая Мерс? Необычное. Я согласен.

– Я тоже,– девушка положила голову на плечо Анатолия и тот, обняв ее за плечико, растянул губы в улыбке, совершенно идиотской, подтверждая расхожее утверждение, что все влюбленные поголовно сумасшедшие.

Глава 3

А по лазарету ворча, поползли два "прапора" Кондратий и Епифан. Особенно возмущался Кондратий, хотя отличить их друг от друга было визуально невозможно, но голос Силиверстовича однозначно идентифицировал его носителя.

– Чоб полезное тут насыпали бы хоть раз. Убирать не поспеваем энти металлы,– скрипел Кондратий, ссылая колечки в контейнер.– И сыпют, и сыпют, и сыпют, и сыпют.

– И ходют, и ходют,– передразнил его Михаил.– И носят, и носят. Кондратий, ты бы лучше бейджики на своих архаровцев навесил, не понятно кто есть кто. Каждый раз спрашивать приходится. Что вытаращился? Бирки, говорю, изготovy с погонялами своих подчиненных. Чтобы через пять минут у каждого между видео-сенсорами торчала. Выполняй.

– Есть,– подпрыгнул на месте Кондратий и замигал этими самыми видео-сенсорами так интенсивно, что понятно стало без слов, что к выполнению приступил. Пяти минут, пожалуй, не понадобилось на то чтобы все "прапора" обзавелись табличками с оперативными псевдонимами – "погонялами" и Михаил невольно улыбался, читая их имена.

– Афоня, Аристарх, Мефодий, Иоанн, Калистрат, Епифан,– красивые имена. Мне нравятся. Нужно еще ввести знаки различия, как в армии. Тебе, Кондраша, как самому главному здесь, пожалуй, можно звание майора присвоить, ну а остальным на твое усмотрение. Налепи им погон рядом с "погонялом". Можно два. Работай,– распорядился он, решив продолжить начатые реформы.

– Есть,– Кондратий опять замигал и еще через пять минут по "мазаришарифке" замельтешили рядовые, ефрейторы, сержанты и несколько офицеров в званиях от лейтенанта до капитана. Себе Кондратий нацепил погоны майорские и голос соответственно тут же стал использовать Петра Павловича. Рывкал так браво на свою маленькую армию, что Петр Павлович не стал возражать, только рукой махнул.

– Неужели у меня такой голос?– спросил он с сомнением.

– Такой,– подтвердил Михаил.

– Вам же хуже, а мне как вон Серега говорит – до фени.

– А и нам тоже,– Михаил попробовал снять погон, смонтированный на корпусе Кондратия, но он оказался, так же как и табличка с именем, металлическим и приварен к корпусу точечной сваркой. – Солидно изготовлено, на века. Слышишь, Кондратий? А если мы тебя предположим в звании решим повысить или разжаловать за разгильдяйство, то ведь хлопотно будет снимать и одевать другие.

– Хлопотно, но мы трудностей не боимся, так как сказано в присяге, что военнoслужаший должен стойко преодолевать все тяготы и лишения воинской службы,– браво отрапортовал бывший "прапор" и свежеиспеченный "майор".

– У вас и присяга есть? Молодец. Инициативу проявил. Ну-ка прочти,– заинтересовался Михаил проявленной "майором" инициативой. И тот торжественным, левитановским, голосом зачитал текст присяги, который содрал полностью с советской.

– Хорошая присяга,– одобрил Михаил.– Привел уже подчиненных к ней?

– Так точно. Только что,– козырнул Кондратий, щелкнув по полу передними манипуляторами, которые у него шелестеть перестали, а начальственно побрякивали.

– Копыта что ли себе любимому присобачил?– спросил его Михаил, присматриваясь.

– Подковы. Должен же я отличаться внешне от остальных,– резонно заметил "майор".

– Ладно, отличайся. Только не греми своими железяками так громко, Серегу разбудишь. А он спросонья может не разобраться, что у нас тут ты карьеру головокружительную сделал и оторвет тебе головешку вместе с видео-сенсорами. Ну а попутно и щупальца твои, вместе

с подковами майорскими оторвет. Он же пока не в курсе, что это по строевому уставу теперь так положено. Брысь отсюда,— закончил реформы Михаил.

— Есть,— прошептал едва слышно "майор" и рванул к выходу, причем совершенно бесшумно переставляя подкованные манипуляторы.

— На лету все схватывает. Орел,— оценил его действия Петр Павлович.— Продолжай, Ванюша. В какой век ты нас зашвырнул по доброте душевной?

— Как я и предполагал — в семнадцатый. Год пока уточняю. Каков от Рождества Христова.

— Вань, ты мне сказал давеча, что в шестнадцатый. Или что-то с памятью моей стало?— Михаил лукаво улыбнулся.

— С памятью у тебя все в порядке, только ты забыл, что я опасался, как бы в век первый не угодить или в третий от Рождества, так что попал почти в десятку или в девятку,— отмахнулся от него Ванюша.— И чем тебе век семнадцатый не по нраву? Хороший век — событийный. Взгляни в хроники. Русь в начале века переживает такие времена, что ты мне спасибо сказать должен, что в этом веке оказался и совершенно на халяву.

— "Смутное время" ты имеешь в виду? Становление новой династии Захарьевых-Романовых? Помню. Читал кое-что как-то. И что?

— И то. Это не просто междинастическое время — это становление России. Это такой переходный этап, который многое объясняет даже в 21-ом. И сходство недаром между веком 21-ым и 16-ым высоколобы аналитики от истории усматривают. Тогда все думали, что конец света грядет и даже пасхальные даты были не просчитаны. Зачем, коль конец грядет? Вы можете увидеть своих предков, искренне верящих, что живут во времена последние. Разве одно это не должно разжечь любопытство?

— Да, любопытства, Вань, нам не занимать. Ты только обрадуй уж до конца. Сколько нам "повезло" его удовлетворять?— задал главный вопрос Петр Павлович.

— Этого я пока не знаю. Век вычислил астрономически. Год примерно, плюс, минус пять с 1605 по 1610. Ну а график "пауз" запросите у вашей аналитической группы с нижнего уровня.

— Васька,— Михаил хлопнул в ладоши и "Троян" с полосой пиратской через глаз, материализовался рядом с ним, стуча полосатым хвостом по полу и разинув пасть в радостном оскале.

— Всем здравсте,— мурлыкнул он и потряс головой.— Вижу новые лица. Хозяин, позвольте представиться?

— Начальник группы хакеров — Василий,— представил его Михаил сомлевающим швейцарцам, которые полагали, что после Ванюши, скачущего на кошке, их уже вряд ли здесь смогут чем-то удивить. Но тигр говорящий, сумел произвести впечатление на новых Посвященных такое, что оба в ответ только замычали ошеломленно.

— Анатолий и Мерседес. Запиши, Василий, их как имеющих право посещать вашу резиденцию. Сожрете еще, не дай Бог,— распорядился Михаил.

— Обижаешь, Хозяин. Что мы "прапора" металлические, тупые?— Василий протянул когтистую лапу сначала Мерседес и та выпучив глаза, протянула ему свою, трясущуюся от впечатления, ладошку. Васька ладошку лизнул и промурлыкал.

— Рад, что первым из нашей группы вас увидел мадемуазель. Готов взять над вами шефство. Я здесь все знаю, не сомневайтесь. В качестве гида мне цены нет. Выпросите у Хозяина позволение и не пожалеете. Провезу по всем уровням. Вам приходилось кататься верхом на тигре?

— Не-е-е-т. Не прихо-хо-дилось,— призналась девушка.

— Тогда падайте на колени и просите Хозяина, чтобы разрешил,— Васька протянул лапу Анатолию и журналист, сунув ему свою руку, приоткрыл рот, в ожидании похожего предложения, но Васька руку ему пожал, но от каких либо предложений уклонился, и лизать ему ладонь тоже не стал. Сжал слегка подушками лапы и отпустил.

– На колени падать не нужно,– поморщился досадливо Михаил.– Если хотите, то, пожалуйста, могу дать вам этого полосатого гида. Впрочем, эту роль я хотел предложить тебе, па. Анатоля Сергею, а Мерседес тебе. Ну, чтобы ознакомить с обстановкой на месте. Научить пользоваться снаряжением и оборудованием. В качестве инструкторов. Но если вам предпочтут "Троянов", то я не возражаю. Тем более, что на них еще и верхом ездить можно. Вам-то на шею не сядешь. Решайте сами, господа. Ну а ты, ловелас в полоску, пока доложи-ка нам про "паузы" в 17-ом веке. Выдай справку и поподробнее.

– Нет проблем, Хозяин. Давно готова. На шумерском и в обратном порядке. Распечатать или в аудио исполнении сгодится?– деловито осведомился Васька.

– На русском разговорном,– поморщился Михаил.– В аудио. Весь век тоже не нужен. Начало века, пару первых десятилетий. Давай и в темпе вальса.

– Так это и вовсе дело плевое,– махнул хвостом Васька.– Там всего одна пауза с 20-го августа 1610-го по 19-е марта 1613-го.

– Почти три года. Ну, это терпимо. Не девяносто, как в 1-ом. Аномальные зоны в 17-ом обозначены?

– Обижаешь, Хозяин. Уже перекачали на ваши носители индивидуальные. Взгляните на дисплей.

– Молодцы. Не зря, значит, пайку жрете. Как там у вас с этим? С запасами?

– Благодарствуем, Хозяин,– Васька облизнулся.– Пока есть, что есть.

– Хронологическую справку об этом периоде историческом, тоже подготовьте. По России и ближайшим соседям. Польша само собой, Швеция. Кто там в то время еще хрюкал громче всех? Турция, Англия, Франция. Коротенько.

– Уже готово,– Васька прикрыл левый глаз и, склонив голову на бок, состроил такую уморительную морду, что Мерседес не выдержала и расхохоталась, прикрыв тут же сконфуженно ладошкой рот.

– Я вижу, что ловелас наш, сумел произвести на вас впечатление, Мерс. Дарю,– улыбнулся Михаил.

– Спа-спасибо,– растерянным голосом произнесла девушка, ошеломленная таким подарком, а Васька тут же разлегся у ее ног и довольно заурчал. В течение следующих десяти минут все познакомились с политической ситуацией на международной арене начала века семнадцатого.

Аналитическая группа выдала справку в основном по России и ее ближайшим соседям. Проснувшийся Сергей, охарактеризовал положение дел в государстве одной фразой.

– Гражданское мочилово идет – все против всех.

– Радуйся, Серега, тебе выпал уникальный шанс стать свидетелем воцарения новой династии. Хотя вот здесь указано, что Михаил Федорович был племянником царя Федора Иоанновича. Значит, кровь Рюрика текла в жилах помазанника №1. Грозному он, значит, приходился внучатым племянником. Или пиарили царя-батюшку сподвижники? Жаль, что Федора Леонидовича нет здесь. Он бы живо отделил плевела. Вань, ты куда их засунул с Силиверстовичем? Я не понял. Как-то не внятно про то, что зачистили их снайпера, а что дальше?– Михаил взглянул на Ванюшу и тот пожал плечиками.

– Сам в растерянности. Здесь быть должны. Я уж все уровни обскакал, но... Нету нигде. Может, вообще на поверхности оказались? Ты пеленг включи. Они же с "оберегами".

– Точно. Ну, я валенок,– Михаил принялся щелкать по клавишам мобильного телефона.– Ни хрена себе, куда ты их засунул. Вот уж удивились, когда в себя пришли.

– Куда?– Ванюша выхватил из рук Михаила прибор.– Да-а-а. Это все из-за спешки. Ох, и хлебнут они всяко разное, пока мы до них доберемся.

– Ну, вы, две недотепы, может уже озвучите координаты?– не выдержал Петр Павлович.

– В Нижнем Новгороде они сейчас. А на дворе 20-е августа 1610-го года. И снаряжения у них нет никакого,– вздохнул сокрушенно Михаил.

– Снаряжение у них есть – "Перун". У Силиверстовича. А вот Академик – гол как сокол и им еще встретиться там случайно нужно, – Ванюша тоже вздохнул горестно.

– Вань, а ты разве не можешь туда смотаться и как-то им помочь? – Михаил взглянул на Ванюшу с надеждой.

– Позвать меня для этого нужно, а они вряд ли сообразят, про "черного кобеля".

– Блин, ну как все нелепо складывается. Силиверстович с "Перуном", как-нибудь продержится неделю, а вот Федор Леонидович, при его менталитете интеллигентском, как есть пропадет. Срочно собираемся и вперед в Нижний Новгород. Что там, в августе 1610-го происходит, Вань?

– Ничего особенного не происходит в Нижнем. Ополчение Минин с Пожарским будут собирать только в следующем году, а пока Москва присягнула королевичу Владиславу с условием, что он примет Православие, став русским царем. В Польшу, к королю Сигизмунду отправилась делегация бояр. Просят отпустить сына на условиях московских и вывести войска гетмана Жолкевского. Но Сигизмунду эти условия не нравятся. Он сам хочет венчаться на царство Московское и по обряду католическому. Динамить будет целый год посольство московское. Тот еще был сукин сын. Потом пригласит все же в Краков наконец-то бояр и попов, да и посадит в подвал на хлеб и воду. В посольстве этом и папана будущего царя-батюшки имел честь быть – митрополит Ростовский Филарет. Федор Никитович Романов-Захарьев в миру. Вот судьба у человека. И у Тушинского вора – / у Лжедмитрия -II-го / в Патриархах побывать успел и королевича Владислава готов был принять, а когда узнал, что его сына венчали на царство, то сидел в это время в плену.

– А мне это время совершенно не интересно. Ясно все ведь. Грозный откинул копыта и на трон сел его сынуля, которого Годунов моментально сделал своей марионеткой. Серый, блин, кардинал при царе-батюшке. Да еще Федор Иоаннович наследников не оставил после себя, вот и разгорелся сыр-бор. Войнушка эта гражданская, если бы не интервенция внешняя лет сто могла бы тянуться, пока Русь сама себя бы не изничтожила, – Сергей потянулся и спросил Михаила.

– Что ты там насчет шефства давеча бубнил. Я сквозь сон не понял. Мне значит Мерседес, а Анатолю, в качестве поводыря, тигра жалуешь Василия? Я согласен.

– Приснилось тебе про тигра Анатолю. Тигра Мерседес, а тебе фиг с маслом. Обойдемся как-нибудь. Время, видишь ли ему не нравится. А придется побегать по городам и весям. Иван вон засунул Силиверстовича с Леонидовичем к черту на кулички и как там они, одному Богу известно, – ответил ему Михаил.

– Найдем. Не пропадут. Я за Силиверстовича спокоен, да и за Леонидовича. Они в любом времени не пропадут. Тем более в России, – уверенно заявил Сергей.

– Ты, Серега, думай что говоришь. Представь себя на их месте. Без снаряжения, без средств к существованию и в одежке из 21-го века. Хорошо если за юродивых примут... И к Ванюше у меня вопрос очень злободневный. Скажи-ка, Вань, если аппаратура сейчас "зависла", то куда возвращаться мы будем... в случае летального исхода? – Петр Павлович не поддержал легкомысленный, по его мнению, треп.

– Ни куда. Здесь останетесь, – Ванюша виновато потупился. – Это теперь ваше время родное, от первого до последнего дня.

– Нам что в "Завесах" теперь постоянно находиться придется? Чтобы в этом "родном" не отпели? – Михаила слова Ванюши, похоже, окончательно добили. Он мрачно оглядел друзей-посвященных.

– По необходимости, Миш. Все время в ней нельзя, – пропищал, совсем сконфузившись Ванюша, еле слышно.

– Когда отправляемся и на чем? – задал конкретный вопрос Петр Павлович.

– На чем? Танки отпадают. Конно пойдем. За неделю доберемся до Нижнего. Будем надеяться, что отыщем быстро наших старичков, – Сергей, так же улыбаться переставший, начал проникаться серьезностью положения.

– Лошадей всего три. Может всем и не следует отправляться? Сергея оставим здесь со швейцарцами и вдвоем с тобой мигом доскачем, – Петр Павлович внес это предложение на русском языке, но Мерседес буквально взвилась над своим стулом и возмущенно заорала на французском:

– Почему вы решаете за нас? Это не демократично.

– Успокойтесь, Мерседес. Никто пока ничего не решает ни за кого. Но лошадей у нас действительно всего три, – Петр Павлович эту фразу произнес на французском и услышал в ответ возмущенное.

– Купите еще сколько нужно.

– Такие не продаются. Это "Трояны" – роботы. Правда, их можно клонировать... Только клоны получаются тупыми и опасными.

– Тут я вам помогу. Подправлю мозги лошадям. Клонировуйте, – пискнул Ванюша обрадовано, увеличив громкость.

– Точно сможешь дебилизм устранить? – усомнился Петр Павлович.

– До уровня оригиналов, конечно, не смогу, но то, что станут смиренными и послушными – гарантирую. Вот те крест, – голос у Ванюши налился силой и зазвенел уверенно.

– Тогда предложение снимаю, тем более что и Серега вон волком уже смотрит. Сидел бы тут три года в компании иностранцев, пивко попивал. Чем плохо? Время тебе все равно не нравится, – усмехнулся Петр Павлович, не удержавшись от колкости. – А мы смотались бы в Нижний, нашли наших и заодно ляхам слегка рыла начистили в тех городах, которые они грабят. В Москве, ну и в других тоже.

– Павлович, ты за кого меня держишь? За дезертира? Чтобы я в тылу отсиживался, пока другие лоб подставляют? В этом веке уже вовсю палят из пищалей и пушек, между прочим. Мне не время не интересно, а события не интересны. Понятны потому что и наше присутствие здесь мне, кажется, вовсе не обязательно. Так или иначе, но на трон взгромоздится Михаил Федорович Романов и без нашего содействия.

– Как-то пренебрежительно ты о Романовых, Серега. Помазанник Божий и в этом веке России лучше и не сыскать было. Михаил был парнем тихим и Богобоязненным. Это уж его внуки, да правнуки сначала закабалили, а потом вздыбили Россию, – Михаил взглянул на Сергея укоризненно.

– Миха, да ничего я против семейства Романовых не имею. Кто бы ни сел на трон, а в третьем поколении обязательно бы так же зажрался и в гордыню впал. Ничего удивительного. Нагляделся я на вот таких уже за свой короткий век достаточно. Удивительно только иногда бывает, как быстро люди привыкают к тому, что они ОТЦЫ, БАТЮШКИ и ФЮЕРЕРЫ. И ведь сами искренне верят в то, что ВЕЛИКИЕ, ГЕНИАЛЬНЫЕ и что когда врежут дуба, то МИР рухнет. Надоело мне на их рожи самодовольные, во все времена смотреть. А в этом времени все князья "Равновеликими себя мнили". Это Грозный Иван Васильевич метко подметил. Потому и резня началась. Грозный-то первым царем официальным стал, венчавшись на царство, как положено, и еще при его правлении, только жесткой рукой мог удерживать всю эту сволочь "равновеликую". А Годунова они и вовсе ни во что не ставили, хоть и был лис тот еще, а сумел на троне просидеть всего ничего. Семь лет правил самодержавно. И все семь лет на Руси, то недород, то засуха, то поветрие. А конкуренты – Мстиславские, Романовы, да Шуйские гадили, как только могли. И кроме Мстиславских все ведь поочередно на троне побывать смогли. Сначала Годуновы, потом Шуйские, а уж последними Романовы взгромоздились. Род самый зачуханный по нынешнему времени, но зато бабка двоюродная царя Михаила была царицей №1 при Иоанне Васильевиче. Если бы не это обстоятельство, то не быть бы Михаилу царем, а

отцу его Филаретом. Именно за это был Годуновым репрессирован, пострижен насильно и в монастырь сослан Сийский Федор Никитич Романов. Папаня царя будущего. Чужал Годунов откуда ему прилетит. А вот Шуйского не прочухал. Ваську. А тот не растерялся, когда случай подвернулся. Династии Годуновых, а тем более Романовых никаким боком с Рюриками связать не возможно. Родство-то через женщин и не прямое получается. Крови нет ни капельки. Ноль процентов. Папаша будущего царя Михаила был племянником царицы Анастасии. Она-то Романова в девичестве. А ее сынок – Федор-І-ый еще Рюрикович, но потомства не оставил. На нем и прервался этот род. Годунов сел на трон, потому что серым кардиналом был при нем и шурином. Сестра его Ирина царицей была. Тоже ноль крови Рюриков в династии. Если бы Рюрики продолжились, то вот в их крови были бы проценты и Романовых, и Годуновых. А отдельно и те и другие – никто. С точки зрения медицинской, если ДНК изучать. В родстве, но не в кровном. Отдаленная родня. Именно поэтому немцы переписали историю, чтобы династию за уши притянуть к Рюрикам. А заодно и обгадили первого русского царя, чтобы следующие за ним Романовы, приличнее выглядели. Карамзин со всем старанием заказ выполнил Екатерины- II-ой. В жилах, которой уже и Романовской крови ни капли не было. А Павел тот и вовсе непонятно чьими трудами на свет появился. Сплетни ходили, что Екатерина не смогла успешно разродиться первенцем и чтобы бабушку Елизавету не огорчать, подсунула ей подмену. Чухонца якобы безродного. Премию бабуля обещала за первенца и огорчить ее Екатерина не решилась. Поэтому и не любила Павлика. Так что как ни крути, а Петр-І- был последним Романовым. Не считая Елизаветы, конечно, которая сидела на троне, захватив его незаконно. Пауки в банке. Вот от чего Дмитрии самозванцы выглядели более право имеющими. Особенно Лжедмитрий-І-ый. Этот сумел на трон сесть и год процарствовать. Лжедмитрий-2-ой – Тушинским вором названный и этого не смог добиться. Вот мне он интересен, пожалуй, более чем первый. Он ведь объявил себя оставшимся в живых и даже Марию Мнишек свидетелем представил, которая его "узнала". А в грамотах своих называет себя Государем всея Руси. Ложь запредельная. Наглая. Если учесть что это не так. Тот-то – первый хоть и самозванец, но помазан был на царствие. А этот решил под него закосить и каким-то образом сумел договориться с поляками, которые ему подыграли в этой аванюре. Папаша Марии Мнишек – Юрий Мнишек "узнал" зятя. И король Сигизмунд-III-ий тоже лжет, как сивый мерин. Папашу Мнишек можно понять, когда читаешь жалованные грамоты подписанные Лжедмитрием-II-ым. Четырнадцать городов с волостями ему "царь" дарит. Смоленск, Курск, Брянск, Рославль и т.д. А вот король, очевидно, эту карту решил разыграть, чтобы просто поддержать раздор в России. Страна слабеет в гражданских распрях. Претенденты на престол – Шуйские и Романовы с Лжедмитрием-II-м справиться не могут и просят слезно опять же его Сигизмунда, принять Московию под свою руку.

Закочевряжился он слишком, когда они к нему обратились и сына своего – Владислава не отпустил. А согласился бы, и история потекла бы по иному руслу. Не было бы династии Романовых. Была бы династия Ваза. Тем не менее, корону Московитскую принял и Владислав, став королем польским Владиславом-IV-ым, одевал ее на приемах аж до 1634-го года, считая себя формально русским царем, а Романовых узурпаторами его трона. И все последующие войны с Россией велись этим королем именно из-за династических претензий. Довольно успешно для Польши, кстати, велись. Смоленск хапнули. Речь Посполитая в этом времени, пожалуй, самое мощное государство в Европе. Король Польский – Сигизмунд-III-ий не только король польский, но и Великий князь литовский. А кроме того еще и король Шведский. Там у него, правда, корону у него выхватил дядя родной. Узурпировал по-родственному, основав собственную династию и назвавшись Карлом-IX-м. Семейные, можно сказать, разборки. Этим попытался воспользоваться Васька Шуйский, став царем на время короткое и обратившись к шведам за помощью против поляков. Карл-IX – дядя Сигизмунда-III-го с радостью согласился помочь москвитам и оккупировал под это дело Великий Новгород. Пустили козла в огород.

Еле выперли потом. А Сигизмунд-III- разумеется, принялся воевать на два фронта. Такой вот расклад на сегодняшний день. Лжедмитрий сидит в Тушине, в Москве семь бояр заправляют от имени Владислава-I-го, а русские послы с Филаретом-митрополитом Ростовским и Патриархом по совместительству Лжедмитрия, в Смоленске ждут решение Сигизмунда. Условие поставили довольно жесткое. Владиславу присягнули, корону ему изготовили с 250-тью камнями, но царем согласны признать только, если он Православие примет и поляки из России уберутся. Сигизмунд думает. Узел Гордиев. Рубить его будут Минин с Пожарским, собрав второе ополчение в Нижнем Новгороде. Это в следующем году произойдет. А в этом пока резня идет гражданская. Шведы в Новгороде Великом. Поляки в Москве. Самозванец вроде бы уже сбежал из Тушино в Калугу и скоро его там зарежут при невыясненных обстоятельствах. Мрак полный. Кто неизвестно. Скорее всего, по приказу Сигизмунда "хвосты рубили". Раз уж московиты корону сами привезли, то Лжедмитрий ему без надобности стал, как инструмент воздействия. Отдал команду. Участвовать во всей этой вакханалии не вижу смысла. И если бы не Силиверстович с Леонидовичем, то сидел бы с удовольствием здесь и пиво сосал,— закончил Сергей, выдав интерпретированную, историческую справку.

— А Швейцария что же в этом времени? Она не участвовала в интервенции против России?— это заинтересовался историей журналист Анатоль, сидящий рядом с Мерседес, которая слушала вольное изложение истории Сергеем, приоткрыв ротик.

— Швейцария в этом времени — Союз кантонов и зависит от германских императоров, но это в Западной Европе и претензий территориальных кантоны к России этого времени не имеют. У Сигизмунда в наемниках можно было встретить кого угодно, но это "дикие гуси" и выступают от своего имени. Так что, Анатоль, ваши прадеды в России, ни коим образом, до Наполеоновских войн не отметились. Да и в Наполеоновском нашествии принимали участие из-под палки и в очень ограниченном числе. Вам как журналисту это вообще-то должно быть хорошо известно.

— Прошу прощения, Серж, но я никогда не увлекался историей. Знаю только что кантоны с 1291-го в Союзе и день независимости мы празднуем 1-го августа. А Конфедерацией Швейцария себя объявила с 1848-го года.

— И еще знаешь наверняка, что как-то через ваши Альпы Генералиссимус Суворов турне совершил со своей армией,— улыбнулся журналисту Сергей и удивился, услышав в ответ.

— Про эту его прогулку я в свое время статью написал для журнала. Была дата круглая и меня попросили. Пришлось порыться в архивах и даже на места выезжать, чтобы своими глазами увидеть те места, где прошли суворовцы. Мост Чертов видел. Впечатлило. Швейцарцы сохранили память о том "турпоходе" ваших предков. Есть энтузиасты, которые создали несколько краеведческих музеев в городках, через которые прошли русские. С подлинными вещами и трофеями той эпохи. Очень познавательно было побывать. Вернемся домой, и обязательно приезжайте к нам. Я вам все покажу. У нас масса музеев.

— Хорошо. Ловлю на слове. А пока читайте, Анатоль, аналитическую шпаргалку Васькиной группы, в ней не только голые даты, но есть места достаточно интересные. Вон родословное древо Романовых какое пушистое,— Сергей продемонстрировал швейцарцам экран своего мобильного и они оба, вытянули шеи, разглядывая древо.

— Очень плохо видно,— посетовал Анатоль.

— Это не проблема,— улыбнулся Сергей и, набрав код, вызвал «Трояна»— воробья. Появившийся в помещении воробей, выписав замысловатую кривую, спикировал ему на плечо и весело чирикнул: — Филя, по вызову явился,— приведя в очередное изумление швейцарцев.

— Наша разведка,— пояснил им Серега.— И кинопроектор по совместительству. Многофункциональная система. Конкретно вот этот с погонялом Филя. Заслуженный ветеран. Как жизнь, разведка?— щелкнул Сергей «Трояна» по клюву и тот, взвившись под потолок, зачирикал оттуда, зависнув микро геликоптером.

- Не извольте сумлеваться, бояре. Жизнь бьет ключом.
- Орел,– похвалил его Сергей и махнул рукой, прерывая поток дежурных фраз типа «рады стараться».– Сооруди-ка экран, Филя, и выведи на него аналитическую справку Васькину.
- Есть,– чирикнул «Троян» и приступил к выполнению команды.

Глава 4

Пуля выпущенная из СВД вошла Силиверстовичу в висок и он, сделав рефлексорно еще два шага, упал лицом вперед на ступеньки храма Андрея Первозванного на 6-ой линии Васильевского острова. Охнула бабулька-нищенка и завизжала подающая ей милостыню девица.

– Убили-и-и-и!!!– заголосила бабуля, пятясь от крыльца, по ступенькам которого потекла кровь из простреленной головы. – Кара-у-у-у-л!!!– заверещала сердобольная девица, отскакивая вслед за ней от трупа. Мгновенно собравшаяся толпа окружила тело, и кто-то уже называл в скорую, сообщая о случившемся.

– Прямо в голову попал. Готов. Пошли, Вась, ничего интересного здесь уже не будет,– подвел итог парень лет двадцати, дергая приятеля за рукав. И ошибся, потому что самое интересное произошло на глазах зевак буквально через несколько секунд после этой фразы. Тело убитого вспыхнуло, как электролампочка и исчезло, оставив после себя только лужицу крови.

– Нихре-е-е-нась себе-бе!– раскрыл рот Вася.– А ты говоришь...

– Чудо-о-о-о!!!– заверещала бабулька, падая на колени перед крылечком в три ступеньки и отбивая истоиво земные поклоны.– Вознесся-я-я-я. Истинно Святым Духом!–

Толпа отшатнулась, давя задних ротозеев и увеличиваясь втрое.

– Чего орет бомжиха?– спрашивали вновь подходящие, вытягивая шеи.

– Мужика у нее прибили, а он в храм уполз, вот у нее крыша видать и съехала,– прозвучала первая версия и начала обрастать, как снежный ком, подробностями.

– Это не ее мужик, а бабы, которая "караул" орала. Видать не поделили. Тоже мне чудо.

– Не уполз, а исчез, дурилка картонная. Я сам видел. Раз и не стало. Ему в лоб пуля попала и бошку продырявила насквозь. Киллер видать стрельнул. Мозги по всему крыльцу разбросал,– влез с пояснениями очевидец.

– Гонишь! Куда исчез?

– Куда? Хрен его знает куда. Как вампир в фильме, на солнце. Испарился. Пыхнул и нету.

– Не свисти. Вампир. Сам ты вампир.

– Где вампир? Я слышал, что им кол надо осиновый в задницу вбить, чтобы не безобразничали.–

Толпа живо обсуждала событие, а бабка, вопить переставшая, скрылась в дверях храма, где упала перед иконой Спасителя и долго о чем-то молилась на коленях. Люди потоптались еще минут десять и разочарованно разошлись, унося новость в разные стороны.

А в Нижнем Новгороде века семнадцатого произошло событие прямо противоположное Санкт-Петербургскому веку двадцать первого. В нем на одного человека стало больше, и появился он в центре города. Деревянный храм Рождества Иоанна Предтечи в это время был полон и на паперти было не протолкаться от убогих. Вот среди них и материализовался человек, упав на калеку безногого и рассердив его своим внезапным появлением, до икоты.

– Чей-та?!– заорал убогий, выползая из-под рухнувшего на него тела.– Уйди, мать твою. Зашибу-ик!

Упавший на него человек, одетый в немецкое платье, никак не отреагировал, опрокинувшись на спину.

– Лях чтоль?– убогий потряс за ногу лежащего человека и тот застонал, подавая признаки жизни.

– Аль пьян?– нищий подполз поближе к лежащему и потряс его за плечо.

– Тута не можно так-то. Ноне враз приберут и в поруб сведут,– посочувствовал он находящемуся в беспамятстве и тот, открыв глаза, взглянул на него мутным взглядом.

– Ты кто?– прошептал человек, вполне членораздельно и убогий, обрадовавшись, что он трезв и жив, зачастил:

– Я-то? Я Пронька. Меня тут всяка собака знат. Сызмальства христарадничаю. А ты ктось?

– Где я?– проигнорировал человек его вопрос.

– В Нижнем, знамо дело. Ты, мил человек, не в падучей ли?

– Что за Нижний?– человек опять проигнорировал вопрос нищего.

– Вестимо какой. Новагород.

– А год здесь какой?– человек сел и удивленно огляделся по сторонам. Одет он был в коротенький кафтан из кожи черного цвета и порты темно-синего сукна. Был уже в возрасте и Проньке годился в отцы.

– Эвон как тебя, отец родной,– сокрушенно замотал головой лохматой и сроду не чесанной Пронька.– На дворе нонче год 7119-ый от сотворения Адама.

– А день какой?–Силиверстович совершенно пришел в себя и оглядывался по сторонам, пытаясь вспомнить сколько лет разницы между годом от сотворения прародителя и Рождеством Христовым.

– А сие мне неведомо. Кажись пятое августа. Матрена, какой день нонче?– Пронька повернулся к сидящей рядом с ним женщине неопределенного возраста, закутавшейся в лохмотья столь ветхие, что Силиверстович удивился, когда из этого вороха тряпок, проскрипел тоненький голосок.

– Седьмо нынче, дяденька.

– Ох, умна девка. Дай Бог тебе жениха боярина,– Пронька повернулся к Силиверстовичу.– Седьмо.

– Силиверстовичем меня зовут,– представился ему Силиверстович.– Давно я тут валяюсь?

– Дак тока что сверзился. Откуда взялся? Я мигнуть не успел. Хрясь сверху. Еще и память отшибло видать. Откель, пади и не помнишь, прибыл-то в Нижний?– Пронька раскрыл рот от любопытства.

– Не помню. Здесь помню, а здесь нет,– Силиверстович похлопал себя ладонью по лбу и затылку.

– От ить. Тебе к князю надоть. Ох, уме-е-н. Чей-то да присоветует, коль ты не лазутчик от Вора Тушинского. А коль от него, то на кол посадит. Скор князь, но справедлив. Коль невинен окажешься опосля, то велит с кола снять и как полагается отпеть по христианскому обычаю. Так что за душу будь покоен, Силиверстыч. Упокоится как надоть.

– Спаси Христос,– перекрестился Силиверстович двумя перстами, вовремя вспомнив, что раскол еще Никонианский не случился на Руси и двуперстие никто не отменял.– Не лазутчик я. Из торговых. Купец, стало быть.

– Купе-е-е-ц? Ну, тады тебе прямой путь к князю. Откель может вспомнил ужо?

– Из Новгорода Великого кажись,– поскреб бороду Силиверстович, опять же радуясь, что в последнее время решил ее отпустить.

– Ты напряги голову. Потряси вот эдак. Что бы мутной быть перестала,– Пронька затряс опять лохматой головенкой, дурашливо улыбаясь.– Мне помогат. Сколь раз так-то было. Зашибут быват. И ни че. Потрясешь, погудит и опять светла. Все помню. Откель и ктось.-

Силиверстович принялся шарить по карманам куртки, проверяя их содержимое, и обрадовался, обнаружив под мышкой "Перун", а в карманах пачку Беломора и зажигалку. Кроме этого был еще и телефон с бумажником, но экран у телефона не светился, а в кошельке Силиверстовича купюры из века 21-го могли здесь заинтересовать разве что только, того же князя Нижегородского, если учинять сыск примется.

– Это чей-та?– Пронька был любознателен и наблюдателен.

– Это, брат ты мой во Христе, грамотки. В них прописано сколь товару и где взято, – отмахнулся от него Силиверстович, пряча бумажник обратно в карман куртки и застегивая ее на молнию.

– Чудно одет ты, купец Новгородский. Будто немец. Токма и оне как-то не так одежонку носят. Чудна, – Пронька почесал курносый веснушчатый нос и вдруг заблажил голосом нудным и высоким, мигом отвернувшись от Силиверстовича.

– Подайте Христа ради убо-о-о-о-г-о-му! – народ повалил с обедни и, у нищих началась рабочая пора.

– Я пойду, Пронь. Прощевай пока, – Силиверстович встал и окинул взглядом храм и сидящих на паперти десятка три нищих.

– Ты, Силиверстыч, заходи, коль на кол не посодют. Я завсегда при Иоанне Предтечи. Здесь живу. Вона в той хоромине, – Пронька перешел на нормальный голос, обернувшись к нему. И тут же обернулся опять, к проходящим мимо прихожанам. – Пода-а-а-айте убо-о-о-о-о-гому. Спаси Христос.

Федора Леонидовича киллер поймал в прицел на выходе из дома на набережной и ажиотажа он не произвел такого как Силиверстович, своей трагической кончиной, упав на спину, обратно за порог родного дома. Единственным свидетелем, кроме убийцы, оказалась бездомная кошка, поселившаяся в их парадном подъезде и прижившаяся здесь. Она уже знала всех жильцов и бросалась к ним навстречу, ожидая подачки. Вот и сейчас она спрыгнула с подоконника и, подбежав к упавшему Академику, тут же вздыбила шерсть на загривке, зашипела и отпрыгнула в сторону. А тело, с обезображенным пулевым отверстием лицом, полыхнуло так же как и у Собора Андрея Первозванного и исчезло, не оставив после себя даже кровавого пятна. Пуля вошла в глаз, а выстрел был произведен с предельного расстояния. На выходное отверстие энергии у нее не хватило.

Очнулся Федор Леонидович в совершеннейшей темноте и для начала протер глаза, соображая, где он и что с ним произошло только что. Протирание глаз видимости не добавило и Федор Леонидович начал шарить по карманам в поисках фонаря. Того самого – универсального, которым можно распугивать насекомых и вообще устройства очень многофункционального. В карманах его куртки оказалось очень много предметов, которые попали туда неведомо как к его искреннему удивлению. Зажигалка, например. Сроду Академик не курил, и как этот предмет оказался в его кармане, было для него загадкой. А вот фонарь, который вообще-то можно было носить пристегнутым к ремню, за неимением такового, сунутый во внутренний карман, не находился. Вдохнув, Федор Леонидович принялся щелкать зажигалкой, решив с ее помощью осмотреться. Но зажигалка оказалась дрянного качества и, выпуская пучки искр, огня выдавать не желала. Осерчав на пятидесятом щелчке, Федор Леонидович отшвырнул капризное изделие китайских умельцев во тьму и продолжил инвентаризацию своей одежды. Тщательно проверяя содержимое карманов. Место где он оказался, кроме мрака еще и воняло так, что дышать не хотелось и Федор Леонидович – человек, в общем-то, терпеливый и неприязнительный к условиям существования, начал сначала отплевываться, а потом сунул нос под пуговицу рубашки, натянув ее чуть ли не на голову. Манипуляции эти, правда, мало помогли – вонь проползала через легкую ткань и запах то ли падали, то ли гниющих овощей, а может и то и другое в одном букете, заставили Академика принимать решения быстро и не особенно разборчивые. Не обнаружив в карманах фонаря, он принялся шарить рядом с собой, пытаясь на ощупь определить, что за место ему повезло осчастливить своим посещением. Пальцы нащупывали мягкий грунт, который проминался от прикосновений и Федор Леонидович пополз на коленях, выставив руки перед собой. Метров пять таким образом он "прошел" не встречая препятствий, а потом уперся в стену. На ощупь так же мягкую – земляную. "Яма наверное", – подумал Академик, поднимаясь на ноги и при этом довольно чувствительно приложившись к неожиданно низкому потолку этой ямы. Из глаз полетели искры и Федор Леонидович шлеп-

нул на пятую точку, вскрикнув от новой боли. Что-то попало под эту точку при посадке, пребольно и настолько остро, что он, зашипев, помянул нечистого и потер ушибленное место. Натолкнувшись при этом на тот самый фонарь, оказавшийся в заднем кармане брюк. Именно он и нанес травму при падении. Помянув опять черта, но уже не столь гневно, а скорее уж для порядка и укоризны самому себе, Федор Леонидович, поспешно включил свет и огляделся. Яма, в которой он оказался, была не совсем ямой, а скорее уж туннелем откуда-то куда-то ведущим. Пожав плечами, Академик согнувшись, чтобы снова не зашибить голову о довольно низкие своды этого туннеля, двинулся в первую попавшуюся сторону, а именно в ту, которая оказалась перед ним. Вонь при этом усилилась а под ногами зачавкала грязь. Туннель явно шел под уклон, а через пару десятков метров идти стало и вовсе невозможно, так как жижа вонючая поднялась и ноги стали в ней увязать по щиколотку.

– Хорошо, что в ботинках,– буркнул Академик, с трудом выдирая подошвы из липкой субстанции и разворачиваясь в обратном направлении.

Фонарь осветил впереди ту самую стену, до которой дополз на коленях Федор Леонидович и приподнявшийся уровень пола, устранил под ногами жижу, метров в десяти от нее. Почва стала вполне плотной и туннель, свернув влево почти под прямым углом, вывел его к стене каменной.

– Вот те на,– разочарованно произнес Академик, шаря лучом по сторонам. – Тупик. Это не правильно,– посветив вверх, он облегченно вздохнул. Почти над его головой оказалось отверстие, в которое луч света провалился, выхватив серые бока каменной кладки, уходящей вверх.

– Рано вы обрадовались, милостивый государь,– попенял сам себя Федор Леонидович, направляя луч вертикально вверх и убеждаясь, что колодец, в котором он оказался, довольно глубок и до его крышки или дверей, метров пять, почти вертикальной штольни. Штольня, по его мнению, была не особенно и велика в диаметре и устроители ее не удосужились подгонять камни тщательным образом, так что выползти пожалуй можно было попробовать.

– Эх, где мои семнадцать лет,– вздохнул жалобно Академик. – В "Завесе", пожалуй, выкарабкаюсь без проблем,– "Завеса" у него в наличии имелась и Федор Леонидович, вынув ее из кармана рубашки, сжал в кулаке. – Господи, не дай погибнуть в нечистотах,– осенил он себя крестом и хлопнул по лежащей на ладони пластине. К его радости она дисциплинированно активировалась и Федор Леонидович, цепляясь за выступы, пополз вверх, бормоча себе под нос.

– Чудны дела Твои Господи. Спасибо. И куда же это меня забросило?

Сорвался он всего один раз и, бормоча проклятия, повторив попытку, добрался таки до потолка, если можно было так назвать деревянную поверхность над головой. Выполненную из дубовых досок. И лежали они плотно подогнанные, ни одного лучика света не пропуская в колодец. Постучав по доскам и убедившись, что лежит перекрытие основательно, Федор Леонидович уперся ногами в противоположную стену и ударил кулаком изо всех сил в центр. Кулак врезавшись, с треском выломал дубовую плаху и она, вылетев из сочленений, отлетела куда-то вбок, открывая доступ света дневного в колодец. Дальше пошло еще веселее. Несколько ударов всего потребовалось Академику, что бы разнести настил из досок окончательно. Свет хлынувший, осветил серые, пыльные стены и Федор Леонидович, выкарабкался наконец-то из штольни, вывалившись во что-то похожее на конюшню. Пахло, по крайней мере, навозом и сеном. Встав на ноги, он огляделся по сторонам. Помещение оказалось невелико и всего с одним окном, вырубленным в бревенчатой стене. Не застекленное, оно было достаточно широким и Академик, с любопытством выглянув из него, понял, что находится в сарайчике, который притулился, судя по всему, к крепостной стене. Рядом с окном имелась и дверь, собранная из грубо-отесанных досок. Федор Леонидович, не долго раздумывая, распахнул ее толчком и, выбравшись во двор, закутил головой. Влево и вправо от него тянулась крепостная стена, а

прямо перекрывало проход здание явно религиозного назначения. Окна вычурные и кружева, заплетавшиеся вокруг них, именно на эту мысль и наводили.

– На подворье церковное попал никак, – предположил Академик, обходя здание. Пространство здесь было использовано застройщиками очень бережливо и расстояние от стен крепостных до церковных едва достигало пары метров. Федор Леонидович прошел вдоль стены, под анфиладой оконной и выглянул осторожно, надеясь, что увидит за углом современные постройки. Надежды его не оправдались. Узкий проход между каменной оградой и следующим строением выводил на площадь перед храмом, со снующими по ней аборигенами в лаптях и онучах.

– Средние века, – вздохнул Академик и придиричиво оглядел свою одежду. – Обувь сойдет, остальное вызовет нездоровое любопытство, – одет он был в такую же куртку, как и Силиверстович, а вот джинсы в отличие от него не любил и предпочитал облачаться в брюки из ткани не столь экзотической. – Мятые, грязные – это нормально. Прикинусь иноземцем, если что, – махнул решительно рукой Академик и направился по проулку в сторону площади. Напрасно он переживал. Жители Нижнего Новгорода на своих улицах привыкли видеть торговых гостей со всего света в одеждах столь экзотических, что и удивляться уже перестали давно. Площадь перед храмом жила интенсивно для этого времени дня, гроыхая колесами телег по булыжникам. Гомон стоял деловой и даже монотонный. Зазвонили колокола, и народ принялся усердно креститься, примолкнув и повернувшись в сторону храма. Федор Леонидович так же осенил себя крестом, прошептав: – Помогите, Господи. Пошли мысль здраву, – отвесив земной поклон, Федор Леонидович пересек площадь и остановился у дверей в хлебную лавку. Так он предположил, увидев над входом кованую вывеску, изображавшую что-то вроде восьмерки и выкрашенную местным маляром в светло-желтые тона. – Крендель вроде изображен, – пробормотал Академик, поднимаясь по ступенькам крыльца и дергая за кольцо дверное, также кованое. Дверь, неожиданно распахнувшись ему навстречу, выпустила двух местных жителей, бородастых и низкорослых, о чем-то спорящих между собой.

– Отстань, репей. Не бывать по сему, – выкрутил один из мужиков второму кукиш и тот явно обиженный, схватил не соглашавшегося с чем-то за ворот косоворотки, в заплатах.

– А по сопатке ежели? – рявкнул он рассерженно.

– Пустите ворот, ирод. Сам не то схлопочешь, – отреагировал первый, наступая при этом ногой в лапте на ботинок Федора Леонидовича, не успевшего посторониться.

– Прощения просим, – тут же и извинился абориген, поклонившись в пояс.

– Я сам виноват – ротозей, – отозвался Федор Леонидович и спросил, пользуясь случаем. – Это что за город, братцы? – Вопрос им заданный буквально вогнал обоих мужиков в оторопь и они, забыв о разногласиях, вытаращились на него в четыре глаза, округлившихся от изумления.

– Аль с головой чего, болезный? – первым нашелся, что сказать тот, что совал кукиш своему спутнику.

– Да вот такая беда на старости лет. С памятью что-то. Иду, иду и вдруг раз – забыл. Где я, что я... – пробормотал Академик. – Вы уж не обессудьте, Христа ради.

– Блаженный, – вздохнул второй мужик. – Мне ба так. Забыть ба все. В Нижнем Новгороде ты, батюшка.

– А год, какой нынче? – Федор Леонидович решил воспользоваться до конца подвернувшейся оказией определиться, где он и в каком времени.

– О-о-о, – простонал сердобольно первый мужик, скребя бороду. – Совсем плохо с памятью-то у тебя, отец. Год ноне 7119-ый. Август месяц, число седьмо. А время вона на часовой башне узнаш, коль надоть.

– Спасибо, братцы. Дай вам Бог здоровья, – поклонился мужикам Федор Леонидович.

– Чудной какой. Да не на чем. Иди себе, убогий,– поклонились в ответ, мужики и зашагали прочь, продолжив незаконченный спор: – Отстань, Митька. Христом Богом прошу. Не доводи до греха. Где это видано чтоба за такую дрянь полтину платили?

– Сам ты дрянь. Такого полотна нынче не сыщешь. Даром отдаю,– кипел Митька возмущенно. – Тебе как свояку только и отдать готов за полтину. Всех ведь домочадцев в новые портки обрядишь. Соглашайся, Фролка. Потом жалеть ведь будешь. Ан поздно будет. Я ить любя-я-а.

– Любя-а? Ах, ты тать непотребный. Еще и язык повернулся так-то ляпнуть. Изыди от греха. Ох, не удержусь и со всем усердием поучу,– не соглашался Фролка с Митькой, полагая очевидно, что цена изрядно завышена,– Федор Леонидович, проводил взглядом аборигенов и затоптался у дверей. "Входить или нет"?– было написано у него на лице и эта дилемма возникшая, остановила его руку, готовую дернуть за витое кольцо, вытертое до блеска руками покупателей. Он уже определился во времени и пространстве, так что вряд ли хозяин торговой точки мог добавить что-то существенное. Все остальное нужно было как-то разруливать самому. – "Век семнадцатый. Почему семнадцатый? И что теперь делать?"– Федор Леонидович спустился с крыльца и присел на лавчонку из лесины, укрепленной на двух чурбаках, под перекосившимся окном лавки. – "Что-то произошло в системе. Аппаратура, меня сюда зашвырнувшая, ближайшая в Муроме. Стало быть, туда и нужно отправляться. Не сидеть же сиднем в Нижнем. Почему в Нижний?"– Мысли эти проносились в голове Академика, и он пригорюнился под колокольный звон, облокотившись на колени. Посидев минут пять, принялся снова инспектировать содержимое своих карманов, но, не обнаружив в них ничего нового, опять пригорюнился,– "Как добираться до этого Мурома? Транспорт в это время общественный еще не придумали. Пешком придется идти. А питаться на что? Денег нет ни копейки",– подумав о пропитании, Академик тут же сглотнул набежавшую слюну, а в желудке у него заурчало как у студента первокурсника,– "Ну вот, начинается",– нахмурился досадливо Федор Леонидович. – "Пойду-ка, пройду по городу. Сиди, не сиди, а что-то нужно делать. Когда не знаешь что, делай хоть что-нибудь",– взбодрив себя последней мыслью почти оптимистической, он поднялся и зашагал в сторону храма. Решив начать с него знакомство с городом.

Храм был полон народу и поющий хор, наполнял пространство его благодатью и покоем. Академик простоял до конца службы, молясь и одновременно обдумывая, как ему выпутаться из этой временной передрыги. Приложился к иконе Спасителя, прося о помощи и выйдя из храма деревянного, выбрал одного из богомольцев, вышедшего вместе с ним и истово обмахивающегося крестом на пороге церковном.

– Простите великодушно, уважаемый...– начал он, дождавшись когда тот откланяется. Выбрал он этого человека по причине самой понятной – выглядел тот солидно и представительно. Смотрел уверенно и явно был из людей успешных. Одет опять же был добротно, не в рвань.

– Чем могу?– откликнулся тот, поворачивая к Федору Леонидовичу бородатое лицо, совершенно круглое, с носом картошкой.

– Я тут в Нижнем впервые и так уж случилось, что испытываю некоторые трудности финансового характера,– Федор Леонидович покраснел и замолчал, обдумывая дальнейшие слово-обороты.

– Деньги чоли покрали?– круглолицый бородач проявил смекалистость.

– Хуже,– махнул рукой Академик. – Мне в Муром нужно как-то добраться. Может, посоветуете что-то?

– Куда хуже? Аль с кистенем разбойники повстречали?– богомолец почесал затылок озадачено. – Что тута советовать? Садись вона у паперти. Народ у нас душевный. Накидат меди сколь надоть. Только одежонка у тебя шибко справна для христарадничанья. Вона кожух каков. И порты целы. Ты, мил человек, кожушок-то на торг снеси и за него тебе всенепременно рупь

дадут, коль выторгуешь. Этого и на харч, и на дорогу хватит. Я бы и сам у тебя его принял, да деньгой нынче тоже не богат. Вот держи две копейки, а более не могу,— сунул он медные монеты в ладонь Академика.

— Как величают тебя, добрый человек?— расчувствовался тот, принимая милостыню.— В поминание запишу.

— Петром крещен,— поклонился в ответ круглолицый.

— А скажи-ка, брат Петр, где тут у вас рынок? Чтобы кожушок сбыть?— Федору Леонидовичу понравилась идея "рупь дадут".

— Чего ж не сказать. Вона прямо на Ветошный и попадешь, но ты, мил человек, туды не ходи. Справных-то людей там нет. Гольтьба. Иди-ка вона по Почаинской, да мимо сперва церкви Успения. Потом как ее минуешь, так увидишь и Ильи-Пророка купола. А уж от него и рукой подать до собора Предтечи Иоанна. А уж там тебе каждый нижегородец укажет, где Космодемьянска, аль Ивановский спуск. Там добрые лавки. И кожушок без обману оценят и взамен что ни-то предложат. Армячишко какой-никакой,— добросовестно и обстоятельно круглолицый Петр растолковал Академику, как добратся до рынка солидного. Сам того не подозревая, что направляет его туда, куда ему в этот момент нужнее всего и было. И не потому, что урчало в желудке и с "кожушком" не терпелось расстаться, а потому что, от церкви Иоанна Предтечи ему навстречу уже двигался, озираясь по сторонам — Силиверстович точно в таком же "кожушке".

Глава 5

Поклонившись еще раз доброхоту Петру, Федор Леонидович направился в указанном направлении, так же вертя головой по сторонам. Нижний посад жил жизнью активной и от Оки подводы текли сплошным потоком. И к ней, кстати, тоже, так что идти было даже и не без-опасно. Запросто могли смять битюгами. Орала кучера и ямщики, размахивая кнутовищами и, пыль стояла от тележных колес такая, что ело глаза. Дорожной стражи, очевидно, в городе пока не было и движение осуществлялось по наитию. "Кто смел – тот и успел". Трещали деревянные кузова телег, сталкиваясь на ухабах и ржали, грызя удила лошади, обливаясь потом. Середина дня – самая горячая пора послеобеденная и Нижний гремел, звонил и голосил во всех диапазонах. Город переживал экономический бум, став в одночасье островком стабильности в раздираемой смутой России. Заложенный в свое время для противостояния Казани – Нижний, удачно расположившись на Оке и Волге, становился точкой, через которую осуществлялся товарообмен между Западом и Востоком. Стратегически важное положение города понимали все конфликтующие стороны того времени и все пытались подчинить его себе. Но присягнувший очередному царю – Василию Шуйскому, он до конца оставался верен этой присяге. Даже после отстранения Шуйского от власти, принудительного пострига в монахи и предательской передачи его Сигизмунду-III-му /Жигимонту/ боярами-изменниками, Нижний не спешил целовать крест новому царю объявленному – Владиславу-I-му. Ждал, как указал Патриарх Гермоген, когда королевич примет Православное вероисповедание. Лжедмитрий-II-ой доживал последние дни в Калуге, став ненужным аргументом в политических интригах Запада против России и... обузой. А в Новгороде появился Лжедмитрий-III-ий – Исидорка Матюшкин, которого всерьез никто не воспринимал, и которому удалось собрать в свое "войско" пару сотен мародеров. Исидорка не совался к Москве и прочим горячим точкам – крутился вокруг Пскова, грабя посады. Наглости ему хватило объявить себя "законным царем", только в следующем году весной. Заявился в Ивангород и объявил новость радостную о своем чудесном спасении в Калуге. Доверчивые ивангородцы три дня по этому поводу звонили в колокола, палили из пушек и охотно жертвовали в казну /"Остапу Сулейману Берта Марии Бендеру..." – разлива 17-го века/ свои кровные сбережения. Исидорка даже вступил в переговоры со шведами, как с союзниками по коалиции против Польши, но был уличен в самозванстве послами Карла-IX-го, который подобрал людей лично знавших Лжедмитрия-II-го. Всякие сношения с авантюристом шведы прекратили, правда, предложили ему публично отречься от Московского трона в пользу шведского королевича, которого мечтали на этот трон посадить. Что-то там ему пообещали, но "Остап Бендер" так вошел в роль, что не пожелал от "шапки Мономаха" отказываться, да еще публично. В результате, таким образом "поднял свой рейтинг" /как будут говорить в веке 21-ом/ и под его руку стали переходить один русский город за другим. Присягнули ему и жители Пскова, как истинному Государю – бояре, казаки и прочие сословия. Его и сделал своей столицей Лжедмитрий-III. Исидорка упивался властью, впал в распутный образ жизни и видимо так всех "достал", что, в конце концов, все его и бросили, а Псков взбунтовался. Пришлось смываться. Убежать далеко авантюристу не удалось. Был пойман, закован и отправлен обратно. В Пскове "Бендера" посадили в клетку, и любой желающий мог плюнуть в "русского царя" совершенно бесплатно. А весной 1612-го года, в апреле, когда просохли дороги, Лжедмитрия-III-го "скобари" отправили в Москву. Прямо вместе с клеткой, что бы во-первых, и жители первопрестольной имели возможность плюнуть ему в наглую рожу, а во-вторых, чтобы как-то реабилитироваться в глазах победителей. А победителями в ту весну пока себя ощущали поляки. Они уже сожгли Москву деревянную и собирались сидеть за Кремлевскими стенами хоть до второго пришествия. Продовольственное снабжение, правда, у "ляхов" налажено было отвратительно, и практически находясь в осаде, они попали в совершенно нелепую ситу-

ацию. "Семибоярщина" принудила Москву целовать крест их королевичу, и посольство русское торчало в Варшаве, а шляхтичи сидели в столице России, разоренной ими же за последние смутные годы, и гарнизону королевскому вульгарно было нечего "жрать". Разбежавшиеся москвичи, бродили по окрестностям, сбиваясь в шайки, а со всех сторон к первопрестольной медленно, но неотвратно, ползли ополченческие полки. Им тоже нужно было что-то есть, так что в первую очередь уцелевшие деревеньки снабжали их, а уж потом поляков. Впрочем, фуражиры гетмана Сапеги особенно и не церемонились с русскими "сиволапыми мужиками", выгребая все подчистую из их погребов и амбаров. Только вот чем ближе к лету 1612-го, тем сложнее стало это делать. Нет, "сиволапы" не осерчали и не принялись колоть их вилами. Их просто не стало. Деревни и села стояли брошенные населением, разграбленные, безлюдные. Будто мор прошел по княжеству московскому. Чума бубонная... С пером шляхетским и саблей.

А в этом 1610-ом еще первое ополчение, возглавляемое московскими князьями и боярами, топталось у стен Москвы, раздираемое конфликтами и то увеличиваясь численно, то разбредаясь в разные стороны, вносило только дополнительную сумятицу, заставляя семерых бояр-заговорщиков, ускорять свои потуги в сторону окатоличивания России. Идея Рима, привязать церковь Православную к себе хвостом послушным и таким образом объединить церкви восточную католическую и западную католическую в одно огромное финансовое предприятие, была столь завлекательна для Римского папы Павла-V-го Камилло Боргезе, что "политикой не занимающийся" понтифик не жалел сил, а главное средств, на воплощение ее в жизнь.

– Прошу прощения, сударь.– Извинился Федор Леонидович, столкнувшись со встречным прохожим, и услышал в ответ.

– Пустое, Федор Леонидович. Ну, наступили на мозоль любимую, так и не больно почти. Вы здесь давно?

– Здравствуйте, голубчик,– Академик кинулся Силиверстовичу на шею.– Ох, гора с плеч. Часа два, пожалуй, уже здесь пребываю. Что за город! Что за народ! Силища какая прет! Вот он потенциал народный. Пассионарность.

– "Пасси" чего?– не понял последнее слово Силиверстович.

– Дух соборный, народный, Евлампий Силиверстович. Вы только оглянитесь по сторонам!– продолжал пребывать в эйфории Академик.

– А, ну да. Без духа как же? Дух он всегда у народа нашего ядреный. Вы, Леонидыч, как полагаете, нас за каким лешим сюда зашвырнуло?

– Сам в полном недоумении, батенька,– развел руками Академик.– Меня застрелили при выходе из парадной и очнулся, прошу прощения за слово грубое, в дерьме. Еле вылез из подземелья. Хорошо, что пластина эта – "Завеса" с собой оказалась. И ведь функционирует она в этом периоде временном.

– Киллер?– Силиверстович, потер лоб.– Похоже, что всех наших "зачистили" в 21-ом. Меня прямо на крыльце церковном. Ничего святого у людей не осталось,– вздохнул он сокрушенно.

– Полагаете что всех?– Федор Леонидович принялся озираться по сторонам, будто надеялся тут же всех и увидеть.

– Поживем-увидим,– Силиверстович достал пачку "Беломора" из кармана и хотел было уже закурить, но вовремя спохватился.– Что это я? Табака еще здесь не знают. Враз в колдуны определяют и на кол посадят. Воевода говорят здесь строгий шибко

– Делать что будем, голубчик Евлампий Сильверстович?– Федор Леонидович роль лидера переложил на плечи Силиверстовича и, приняв зависимое положение, глядел на него требовательно.

– А что делать? Ежели Серега с Мишаней тоже в 17-ом веке, то запеленгуют они нас с вами, Леонидович, в два счета и в течение недели будут здесь, даже если их в Америку зашвыр-

нуло. Раз здесь эти "Завесы" функлируют, то значит и браслеты тоже. А уж перстенок Михайлов и в 21-ом худо-бедно, но что-то выдавал. А здесь... Ждать будем неделю. Ну, а коль не появятся, то пойдем в Муром, к аппарату. Место я хорошо запомнил. Тут рукой подать, – Силиверстович подмигнул Федору Леонидовичу. – За месяц дойдем. А пока нужно нам с вами о хлебе насущном позаботиться, да и о крыше над головой. Продать чего не то из барахлишка и подыскать какой-нибудь дом ночлежный или двор постоянный.

– Мне тут присоветовал один добрый человек "кожушок" продать. В целый рубль оценил, – подхватил и продолжил мысль Силиверстовича Академик.

– Серебром или медью? – деловито осведомился Силиверстович.

– Не спросил. Вот ведь какой несуразный я человек. Действительно здесь ведь в ходу всякие монеты. Может вообще золотой рубль-то запрашивать при торге следует. Вот она непрактичность из века денег бумажных как проявилась, – принялся сокрушаться Федор Леонидович.

– Куртки пока продавать не станем. Часы продадим мои, – принял решение Силиверстович. – Здесь в это время они в диковинку и тем более с браслетом и циферблатом светящимся. Таких пади и не видывал еще никто. Покупателя только бы подобрать посolidнее. Боярина или князя на худой конец, – Силиверстович взглянул на циферблат своих стареньких часов "Слава", купленных им лет пятьдесят назад и исправно служащих все эти долгие годы. – Думаю, что за них-то вполне можно и рубль золотом запросить. Как считаете?

– Ох, не знаю, голубчик. Я часы уже лет пять как не ношу. Привык, что циферблат на телефонном дисплее есть, вот и забросил в комод "точмех", – повинулся тут же Академик. – Зато у меня колечко есть обручальное. Золотое ведь. В крайнем случае его-то уж пристроим. Не пропадем с голоду. Мне сегодня один добрый человек воспомоществование оказал уже. Целых две копейки не пожалел, войдя в бедственное положение. Такой вот народ у нас. Я и не просил. Только совета. Человек всей душой отозвался. Петром зовут. Буду поминать теперь словом добрым.

– Две копейки? Интересно хватит ли их на "пожрать"? – оживился Силиверстович. – Вон вроде как заведение похуже на забегаловку – типа харчевни. Давайте-ка зайдем, приценимся, – проявил инициативу лидера Силиверстович и "концессионеры" направились к избе в два этажа с распахнутыми настежь воротами, через которые туда и обратно сновали люди пеше и конно.

У ворот народ клубился как в престольный праздник у храмов и не просто топтался без дела, а как раз таки наоборот, каждый был при своем деле. Похоже, что купчина нижегородский получил партию товара и процесс разгрузки подвод, пересчета и проверки ассортимента был в самом разгаре. Приказчики сновали между лошадиных голов, перекликаясь на разные голоса и распоряжаясь куда какую ставить под разгрузку.

– Нет, Леонидович, это не харчевня. Это склад оптовый. Здесь нам никто ничего не продаст. И вон все шевелятся как активно, попробуй тут порасспрашивать. Пади и говорить не станут. Пошли-ка в центр города. Там уж наверняка сыщем какую-нибудь точку общепитовскую. Столовку я имею в виду, – Силиверстович повернулся и взяв под локоть Академика, собрался увлечь его в проулок, ведущий в сторону центра по его мнению, но уйти им не удалось.

– Эй, Отцы. Да, да – вы рОдимые! – окликнул их детина в кафтане, картузе лихо заломленном и в сапогах. Отличался он только уже этим фактом обувным от всех прочих мимо снующих лапотников и явно был из начальствующего сословия. Нажал на "О", произнося эти две фразы, тоже привычно, голосом человека привыкшего отдавать распоряжения. Рыкнул можно сказать. – Аль пОтеряли чО?

Силиверстович, на дух самодовольства сытого не переносящий, насупился и промолчал, оглянувшись на окрик. Федор Леонидович, счел необходимым откликнуться:

– Здравствуйте. Мы, молодой человек, мимо идем. Нам постоянный двор бы отыскать, – и улыбнулся смущенно.

Улыбка смущенная и вежливое обращение само-собой были восприняты как робость, а стало быть, и незначительность персон "околачивающихся, где ни попадя и путающихся под ногами у людей деловых".

– Здесь вам не двор, здесь вам подворье княжье, воеводско. Гуляйте себе мимо, почтенные,– фыркнул презрительно детина и сплюнув в сторону сквозь зубы, поскреб первый пушок на подбородке.– Федотка, где глаза? Куда велено было? Вот уж батогов ты у меня нынче заместо поденной платы получишь. Шевели лаптями,– заорал он, потеряв всякий интерес к "мимо проходящим отцам".

– Взять бы вожжи, да поучить бы тебя невежду,– буркнул, все же, не удержавшись Силиверстович, себе под нос. Однако у детины слух оказался отменный и, развернувшись к нему всем корпусом, он попер на Силиверстовича бугаем, "роя землю копытом".

– Аль недОвОлен чем, старый хрыч? Я вот не погляжу, что с бородой седой, а мигом порты содрать велю и всыпать тех же вожжей,– детина упер кулаки в боки и рядом с ним, как из-под земли мгновенно появились еще трое обломов, правда, в лаптях.

– А тебя, мил человек, батюшка с матушкой таким козлом воспитали, аль само как-то прорвалось?– Силиверстович сделал резко два шага и, схватив детину за ухо, пригнул его голову вниз.– Ухо вырвать или прощения попросишь, засранец?– спросил он, зловещим шепотом, останавливая жестом, дернувшихся было холопов.– Стоять, обалдуи. Ведь вырву ухо-то с корнем.

– Пусти, дядька. Христом Богом прошу,– взвыл детина, хватаясь обеими руками за запястье Силиверстовича.

– Ишь ты, о Боге вспомнил, дубина стоеросовая,– Силиверстович перехватил пальцы детины свободной левой рукой и, сжав их до хруста, заставил его взвыть еще громче.

– Отпусти-и-и! Больно ведь, старче!

– Уже лучше. Извиняйся. Повтори-ка,– "Дедушка, прости меня недоумка",– Силиверстович слегка крутнул ухо и детина взвыл покорно:

– Дедушка, прости!

– Недоумка,– Силиверстович фразу кастрировать не позволил.

– По недоумию, прости!– заорал детина, давась слюной.

– Вроде как я получаюсь недоумком-то. Ты, видать, горазд на выкрутасы словесные, оболтус,– Силиверстович сжал ухо еще сильнее и треск в голове детины с болью, сделали его покладистым и покорным.

– Меня, меня недоумка, добрый человек,– заверещал он поросенком под ножом.

– Вот теперь правильно,– Силиверстович отпустил ухо и детина, не удержавшись на ногах, упал на землю, высоко задрав ноги в сапогах. Во дворе в это время установилась мертвая тишина. Шоу развернувшееся на въезде, так народ увлекло, что все буквально замерли, уставившись заворуженно на экзекуцию, которой подвергся на их глазах человек, здесь очевидно не самый последний по социальному статусу. Люди даже остерегались, что-либо сказать, только пялились во все глаза, в ожидании продолжения. Всем было понятно, что просто так это закончиться не может и старичок сейчас поплатится за дерзость. Застал врасплох и за ухо цапнуть успел, но вот теперь, когда оно, увеличившись вдвое размером, пунцовое и не в его руке... Если бы можно было бы сейчас делать ставки, то они были бы 1- н к 100-а и не в пользу старичка.

– Ну, старый мерин,– тер ухо распухшее детина.– Ужо ты у меня щас тож взвоешь. Ну-ка на правож его,– рывкнул он холопам и те кинулись к Силиверстовичу, засучивая рукава. Но на их пути вдруг оказался второй дедуля, хлопнувший в ладоши и этим обратив их внимания на себя. Хватать его приказа не было и первый из обломов, вежливо попытался убрать его с дороги, шлепком по плечу. От эдакого "щелка" дедок должен был отлететь метров на десять не меньше, но не отлетел и отбивший руку о его плечо парнище еще и врезался в него

на полном "скаку". Искры видимо у бедняги при этом полетели из глаз и он буквально сполз к ногам Федора Леонидовича, который оставшихся двоих схватил за локти и придержал, вежливо увещевая:

– Ну, и по что, так резво побежали, хлопчики? А вдруг команда "отставить" последует? Охолоньте малость и не суйтесь вы в наши с вашим хозяином споры. Он ведь не ведает, что творит. Сейчас мы ему мозги вправим и миром дело завершим,— парни пытались вырваться из его цепких рук, но Федор Леонидович эти попытки погасил в самом зародыше, сдавив локти так, что оба зашипели от боли. Старичок, которого они и в расчет-то не принимали, оказался силищи неимоверной и, это сначала озадачило, а потом напугало обоих до коленной дрожи. Слегка ослабив хватку, Академик предложил компромиссное решение:

– Побожитесь, что встревать не станете, тогда отпущу.

– Вот те крест,— хором заорали оба холопа и, получив свободу, отошли в сторону, превратившись в зрителей. Своего товарища они заботливо прихватили с собой. Схватили за руки, за ноги и бережно уложили рядом с собачьей конурой. Лохматая морда "кабысдоха" местного, с любопытством взирающая на суету человеческую, сосредоточилась на лежащем без сознания обломе и незатейливая мысль на собачьей роже ничего хорошего пострадавшему не обещала. Пес обдумывал извечную собачью проблему.— "Это можно сожрать или нет"? В глаза псу лезли мухи, назойливые и тоже голодные, он лязгнул челюстью, отпугивая их и затряс головой, гремя цепью. Лежащий человек шевельнулся и застонал, ликвидировав этим самым наметившуюся продовольственную программу в отдельно взятой собачьей конуре. Живых людей можно было только облаивать и кусать. Жрать их живьем не разрешалось. Эту истину пес всосал с молоком матери и на всякий случай лизнул лежащую голову, проявив таким образом сочувствие пострадавшему. Оставшись тем временем без "подтанцовки" детина, с распухшим до неприличия ухом, вначале растерялся, но тут же проявил смекалку, продемонстрировав окружающим что "топ-менеджером" он тут подвизается не за красивые глаза. Заорал требовательно и многообещающе одновременно:

– РОбяты, кто полтину желат получить? НукОсь мне энтих иродов скрути,— деньги пообещал солидные для века семнадцатого и народ, зачесав в затылках, начал обступать его обидчиков, бросив окончательно погрузо-разгрузочные мероприятия. Каждый не прочь был "срубить по легкому" денег, но предыдущая неудача троих парней, несколько сдерживала порыв. Материальный стимул – великая сила и в репу кому-то дать за полтину вполне подходяще... Получать в свою не хотелось. Мало полтины, если в свою. Поняв, почему работяги медлят, детина цену поднял до рубля и глаза, у всех желающих его получить, одновременно блеснули, хищно и дерзко.

– Навались, рОбя-я!— заорал ближе всех подошедший к Леонидовичу грузчик в латанной перелатанной рубахе и кинулся к нему, размахивая пролетарскими пудовыми кулаками. Вслед за ним кинулись еще человек пять, опережая конкурентов. Даже давку устроили между телег, спеша обогатиться. Кто-то получил походя по шее и взвыл возмущенно, но тут все решали быстрота и натиск. Оттесненные в сторону, вытянув шеи, открыли рты в предвкушении увлекательного зрелища. Старички, "борзо хрюкавшие" убежать не подумали и весь контингент трудовой замер, наблюдая за процессом "приведения в покорность" строптивцев. Однако все пошло как-то сразу наперекосяк. Дедок – тот, что помельче – бить ни кого не стал, а первого к нему сунувшегося перехватил за руки и не успел тот опомниться как уже завертелся вокруг него, выписывая лаптями замысловатые кривулины и остужая пыл прочих охотников подзаработать кулаками. А дед вертел воющего от страха грузчика у себя над головой, причем одной рукой и крутнув его раз десять, ловко зашвырнул на стог сена, до которого было саженой пятьдесят никак не меньше.

– Ох!— выдохнули работяги, провожая взглядами проносящегося у них над головами коллегу, который взревел при этом от ужаса так громогласно, что весь Нижний Новгород на

секунду замер, прислушиваясь. Врезавшись в стог, грузчик взвыл еще громче, видимо от радости, что остался жив, а толпа опять дружно ахнула.

– Поднимай цену, боярин,– посоветовал дедок детине.– Мало предложил. Аль кому-то в самый раз?– дед шагнул в сторону сучковавшихся работяг и они инстинктивно шарахнулись от него, крестясь и бормоча: – Нечиста сила, изыди. Колдун не иначе. Дружину звать надобно.

– Ну вот, чуть что сразу "колдун". Вы что, мужики, белены объелись?– Федор Леонидович размахисто перекрестился.– Христианин я. Может, "Отче наш" зачесть? Что же вы, братцы, такие негостеприимные? Мы ведь в Нижнем проездом – гости. Ну и что теперь о вас думать прикажете?– голос его спокойный, с укоризной звучащий в тишине наступившей, настолько не увязывался в сознании с продемонстрированными им умениями, что мужики опять заскребли в затылках, переглядываясь.

– Так мы чо? Мы это... Как прикажут. Вот с Фрола спрос. По что, да как,– слышалась виноватая реплика.– Не сердчай, отец.

– Да не сердчаю я. Фрол значит? Ты, чей такой мажорный?– Федор Леонидович повернулся к замершему, как и все прочие, приказчику.

– Ничего не жирнОй,– набылся тот.– У нас все семейство такО. Сроду все породные.

– Демидов он. Купеческий сын. Тятка к ремеслу приучат,– услужливо разъяснили из толпы социальный статус Фрола.

– Эх, Фролка,– произнес укоризненно Федор Леонидович.– Папаша твой, коль узнает про то, как ты тут производственную практику проходишь, пади не похвалит.

– Знамо дело, порты спустит. Тятка у него строг и на руку скор,– подтвердили из толпы.

– Жалобиться станете?– пригорюнился тут же Фрол и почесал седалище, вызвав сдержанный хохоток у зрителей.

– Всенепременно переговорим с родителем твоим, охламон,– заверил его Силиверстович.

– Может, отступные возьмете, почтенные?– Фрол совсем скис.

– Пошли, Леонидович, что тут с ним ласы точить,– проигнорировал его благие намерения Силиверстович.– Эй, народ, как пройти на купца Демидова подворье? У нас к нему срочное дело образовалось?

– Дак, я вас сам и провожу, дедушки,– засуетился Фрол.– По что людей от дела отрывать? Да и нет нынче батюшки в городе. В отлучке он.

– Батюшки нет, значит, с матушкой пообщаемся. Аль еще с кем,– осадил его Силиверстович.

– Матушка преставилась уж два года как, царствие ей небесное,– жалобным голосом сообщил Фрол.

– Сирота, стало быть, ты? Каково вот ей на тебя из-за гроба наблюдать, обалдуй?– не унимался Силиверстович, впав в старческую ворчливость.

– Простите окаянного – Христа ради,– второе ухо Фрола, не подвергшееся экзекуции, по цвету догнало, запунцовев, первое. Парень явно искренне раскаивался.– На колени нето встану.–

– Силиверстович, голубчик, да ни как проняло паренька. Может, простим Христа-то ради?– замолвил за него слово Академик.

– Как же, раскаялся он. Испугался взбучки отцовской, вот и заюлил гаденыш,– Силиверстович повернулся и направился прочь.– Пошли отсель, Леонидович,– но уйти им опять не удалось, так как на сцене появились новые действующие лица и сразу десяток. Конные, вооруженные и буквально ворвались во двор, чуть не смяв успевшего отскочить в сторону Силиверстовича. Явно дружинники нижегородские во главе с мужчиной чернобородым и в шлеме, пускавшем солнечные зайчики. Остальные одоспешены были более скромно, но все при саблях и мушкетах.

– Фрол, где порох? Почему по сию пору ждем?– заорал на "топ-менеджера" чернородый, наезжая на него пегой кобылой.

– Боярин-батюшка, Андрей Семенович, все уже готово. И погрузили, да вот маненько тут беспорядок учинился и посему затык эдакий,– принялся оправдываться Фрол, теребя себя за травмированное ухо и пятясь от наступающей на него лошади.

– Я те такой затык учиню, орясина, что век помнить будешь. Которые телеги наши?– боярин спешился и, швырнув поводья Фролу, направился к телегам, на которых стояли пороховые бочонки.– Эти чтоль?

– Они самые, Боярин-батюшка,– Фрол скинул поводья одному из холопов и семенил рядом с боярином.

– Так и чего ждешь? Пока я приеду и кнутом укажу в каку сторону их отправлять? Что это с ухом у тебя? Аль кто-то уже уму разуму с утра поучил?– обратил внимание Боярин на несоответствие ушей размерам у Фрола.

– Людишки тут непонятные объявились, Андрей Семенович. Дерзить принялись. Одеты чудно и говорят кактось странно,– наябедничал Фрол, тыкая пальцем в стоящих у ворот Силиверстовича и Академика.– Вона, сами взгляните. Обувка и одежда ненашенски. Уж не от Тушинского ли вора тут высматривают.

– Одежка? Необычна – верно. Ну, я и не такую чудную видывал. Что сами-то про себя сказывают?

– Гости, мол, и проездом, мол. Ищут постоянный двор, дескать,– не стал Фрол городить отсебятины, выложив все, что услышал.

– И с чего ты решил, будто они от тушинского вора соглядатаи?– Боярин отстранил в сторону суесящегося Фрола и направился к воротам.

– Здравы будьте, гости,– поприветствовал он стариков.– Я здешний воевода. Могу ли узнать кто таковы, по какой надобности в наш город пожаловали и надолго ли?

– Здрав будь, Боярин,– Силиверстович, на правах лидера, шагнул ему навстречу и, поклонившись с достоинством, выдал версию самую простую.

– Из Новгорода Великого мы с компаньоном. Купцы тамошние. Прибыли по делам торговым. Седмицу здесь, аль две пробудем. Меня Евлампием величают, а вот его Федором.

– Не через Москву ли к нам добирались, почтенные?– воевода рассматривал стариков с явным любопытством.

– Нет. Стороной ехали. В Москве нынче что делать? Разруха и ляхи,– выкрутился Силиверстович.

– Торговля – дело богоугодное и купцам мы рады, почтенные. Ополчение собираем и посему нынче каждый гвоздок в Нижнем ценим. Каким товаром обрадуете?

– Прикупить сами желали, но про ополчение ваше наслышаны. Земля слухом полнится и собрали от всей гильдии купеческой лепту посильную,– ответил Силиверстович.

– Так вы и с пожертвованием еще к нам припожаловали?– обрадовался воевода.– А ты что несешь на людей достойных, хороняка?– повернулся он к скисшему Фролу.– Проси немедля прощения за каждый рубль. Много ли собрали купцы Новгородские?– повернулся он опять к Силиверстовичу.

– Десять тысяч серебром,– ляпнул, не задумываясь тот, первую пришедшую ему на ум сумму и Фрол буквально затрясся. Десять тысяч раз просить прощения у купцов – эта перспектива его явно не радовала.

– И где же вы такую прорву денег держите?– насторожился воевода, осматривая внимательно стариков и не обнаруживая при осмотре поклажи.

– На пристане оставили. Караулят людишки надежные, боярин. Сами вот решили по Нижнему прогуляться. Осмотреться, да место подыскать для проживания,– Силиверстовича поймать на вранье боярину не удалось.– Определимся и заявимся к вам в Совет городской

нынче же,— пообещал он воеводе.— А теперь прощения просим, не смеем отрывать вас от дел государственных. Пошли, брат Федор.

— Да-а дел нынче выше головы, тут вы правы, но ничего управимся. Вы ступайте на подворье князя Алябьева и будет вам там и стол, и кров. Фрол, пошли с купцами холопа, пусть проводит,— распорядился он.

— Слушаюсь, Боярин-батюшка,— согнулся тот пополам, радуясь, что воевода не принуждает бить десять тысяч поклонов. Провожатым оказался один из тех троих обломов, которые первыми кинулись "учить" стариков.

— Тебя как звать, добрый молодец,— начал наводить мосты Силиверстович, как только они удалились от подворья князя Звенигородского.

— Ивашкой зовусь,— расплылся в улыбке холоп.

— А с кем это мы сейчас разговаривали, брат Ивашка?— Силиверстович подмигнул ему заговорщицки.— Кто сей боярин? Вроде его Фрол-то Андреем Семенычем величал.

— Андрей Семеныч и есть. Боярин. Князь Алябьев. Второй воевода, опосля значится Репнина Александра Андреича. Боярин Репнин первым поставлен царем Василием-то, а Алябьев, стало быть, второй. Но это по грамоткам, а так-то ежели посудить, то все на нем — на боярине Андрее. Репнин-то стар уже и в походы ходить не гош. Так что воевода вроде как Алябьев второй, а в самом разе первый как есть,— многословно объяснил Ивашка расстановку истеблишмента в городе.

— К нему значит, на подворье и идем? Гостеприимство проявил Боярин. Видать широкой души человек,— сделал вывод Силиверстович.

— И строг бывает и душа широка,— подтвердил Ивашка.— Тут идти всего ничего. Довольны будете. Князь-то хоромы себе только что отстроил после пожарищ.

— Погорелец значит князь-то?

— А тут половина Нижнего погорельцы. В прошлый да позапрошлый год Вор Тушинский сколь раз набегал с казачками и посады жег. Мы уж попривыкли. Горим, да отстраиваемся. Однако крепость каменная стоит себе. Мы ить ему — Вору, как кость в горле. Вотчинные земли тут царя Шуйского. На нас он завсегда уповаает.

— Предали его бояри-то и говорят, в монахи подстригли,— посочувствовал Силиверстович легитимному правителю.

— Ни че. Пересажаю всех на колья. Леса у нас много,— оскалился кровожадно Ивашка.— Вона и пришли за разговорами. Митрофан, принимай гостей. Велено князем-воеводой обустроить сих купцов Новгородских со всем почтением,— обратился он к мужику дородному, с окладистой с проседью бородищей, стоящего посреди княжеского двора, перед крыльцом, на перила которого девки вываливали перины и пуховые одеяла. Перья летели во все стороны и гомон стоял такой будто цыганский табор снимался с насиженного места. Голос Ивашкин зычный перекрыл его, однако, без труда и вся дворня замерла, повернувшись в сторону прибывших гостей, потеряв к ним интерес через минуту. Митрофан озабоченно заозирался, очевидно, не представляя пока куда размещать гостей и почесав затылок в манере веками отточеной русским народом, кинулся к старикам, разводя руками и приговаривая.

— Дак некуда ведь, милые. Рад бы всей душой, родные вы мои, но все переполнено. Ну не в конюшне же вас привечать? Вы вот что, отцы родные, отправляйтесь-ка на гостевой двор к Власу Строганову. Тут рукой подать и вот Иван проводит, коль так-то. От меня и князя явитесь. Раз уж воевода велел приветить, стало быть, вы ему по сердцу пришлись. Ан некуда вас размещать, отцы. Вот вам крест на сем слове,— перекрестился с сокрушенным лицом Митрофан.

— А мы и не набиваемся в хоромы воеводовы,— ответил ему Силиверстович.— Нас и постоялый двор устроит. Мы тут на седмицу всего и прибыли.

— Вот и ладно, вот и договорились. А платить ничего Власу не надобно. Князь все расходы на себя возьмет. Это все равно, что и у него бы вы заселились. А трапезничать к нам

милости просим. Вечерять нынче будем в восемь часов. Прошу без опозданий,— Митрофан что-то шепнул на ухо Ивашке и тот закивал головой понимающе.

— Ну, с Богом,— Митрофан перекрестил всех троих и на кривых ногах, укатился колом к крыльцу.

— Это ключарь воевод,— пояснил Ивашка.— Ну дак че? Пошли дале?

— Пошли, коль так,— согласился Силиверстович.— Что это тебе Митрофан на ухо прошипел эксклюзивное?

— Слово иноземное не понятно, но не шипел а присоветовал, что Власу напомнить. Благодарения значит боярские. Что бы плату за постой не взыскивал,— не стал скрытничать Ивашка.

— А мы и не претендуем на льготы. Готовы выплатить сколь нужно,— пожал плечами Силиверстович.—

— Ты, отец, видать книжник и много ученых слов знаш, но и мы тож не лыком шиты. Раз Боярин велел, что эти "льготы", то, стало быть, вынь, да полож. У нас разговор короткий. Кто ежели не понимает,— Ивашка плюнул в кулак и тут же сконфузился, вспомнив очевидно, как врезался со всего маху в одного из гостей. Крякнул, потеряв грудь, до сих пор помнящую удар и покосился уважительно на Федора Леонидовича. На вид мелкого и слабосильного, а на самом деле, будто из железа выкованного. Постоялый двор купца Строганова оказался действительно не далеко и на этой же улице, так что дошли до него еще быстрее, чем до княжеского подворья. Выстроенный так же в два этажа и явно на пожарище, домище светился свежешкуреными стволами, но выстроен был на скорую руку, без архитектурных изысков. Кровлю, однако, имел из доски, что само по себе говорило о многом. Например, о достатке хозяев, так как в веке семнадцатом повсеместно крыли крыши преимущественно соломой. Доски были дороги. Пилили их пока вручную, долго строгаи так же не на станках, так что позволить себе такую крышу могли только очень состоятельные люди того времени. Крыша была еще и вычернена чем-то, так что смотрелась вполне солидно. На постоялом дворе, одновременно выполнявшем и ямские обязанности, было, пожалуй, суетно не менее чем на княжеском. Заводили и выводили сменных лошадей из конюшен. Впрягали их в дорожные возки и они выкатывались из ворот, гремя колесами.

— Оборотист Влас-то,— уважительно отозвался о хозяине Ивашка, хватая пробегающего мимо парнишку за ворот рубахи.— Стоять, отрок. Ну-ка быстро отвечай, где нам хозяина сыскать, аль кто там за него оставлен?

— Сам был. Вона в доме должно,— ответил отрок лет десяти и, получив свободу, побежал дальше, волоча в руках рогожу.

Купец встретил их на высокоом крыльце, хмурый, озабоченный и нервный.

— Какого лешего, Ивашка? Фролка что ль послал? По что?— опередил он холопа и тот, поклонившись в пояс, быстро нашептал ему что-то опять же на ухо. Брови при этом у купчины поползли вверх, а глаза уставились внимательно на "протезе" княжьи, с явным любопытством. "Что за гуси-лебеди?"— читалось в этих глазах, и Ивашка кратко пояснил, что купцы, что из Великого Новгорода, что денег собрали целых десять тысяч серебром. Услыхав сумму, Строганов встрепенулся, и взгляд его налился уже не любопытством, а профессиональным интересом, который тут же и вылился в вопросе:

— Рад, рад услужить, уважаемые собраты по ремеслу купеческу. Я ведь тоже начинал в Господине Великом Новгороде. Там и братья мои по сию пору проживают, торговлишкой кормятся. В каком товаре казну держите?— шагнул он с крыльца и облапав сначала Федора Леонидовича, трижды его расцеловал, чуть не задушив бородой при этом, а потом и за Силиверстовича принялся, урча медведем,— земляки. Рад, право слово. Напрасно князь-батюшка напоминал, что обязан я ему кой-чего. Для своих новгородцев у нас все нараспашку. Заходи и бери, что хош. Так чего там с товаром-то?

– Распродались в других городах, кормилец,– ответил ему Силиверстович.– В Нижний потому и заглянули, что надобно деньгу сдать в Совет. Ну, и чтобы порожними не возвращаться, пожалуй, партию соли прикупим.

– Соль? Это ладно. Есть соль. Пока. И не дорога пока.– Строганов прищурился, прикидывая видимо платежеспособность "земляков".– Сколь надобно соли-то?

– Пудов пятьсот,– Силиверстович решил не мелочиться и сумел произвести впечатление на купца. Партия для него была, очевидно, солидной и он засуетился, как всякий торгаш чувствующий назревающую прибыль.

– Прошу в дом, гости дорогие. И называйте меня попросту – Власом. Как крещен, так и зовите.

– Я Евлампий, а он Федор,– представился в ответ Силиверстович.– Тоже крещены, а не в канаве сточной подцепили самовольно.

– Ик. Ха-га-га,– расхохотался Строганов. Шутка Силиверстовича ему понравилась.– Канаве... ха-ха-гы.

Глава 6

Михаил, в мазари-шарифской пирамиде, как мог подгонял соратников, но все же на сутки им пришлось выход в рейд отложить. Причины самые банальные не позволяли. Новых членов – клуба путешественников во времени, следовало хоть чуть-чуть ознакомить со снаряжением. Это и заняло львиную долю времени. Анатолий с Мерс старались усвоить все, что им демонстрировалось, но постоянно совершали ляпы один за другим. Особенно Мерс при этом несколько раз пострадала, так что пришлось вмешиваться Михаилу и срочно устранять полученные ей травмы. Анатолий, не столь импульсивный, как его "боевая подруга", переспрашивал по нескольку раз, дотошно и въедливо усваивая тактико-технические характеристики очередного допотопного артефакта. С браслетами оба освоились вполне сносно, так что Анатолий завалил подругу бумажными розами, а она в ответ его всякими безделушками, за которые тот вначале расшаркивался благодарно, а потом кривясь, складывал беспорядочно в одну неряшливую кучу. Фантазия у девушки оказалась богатой и, обнаружив очередную безделицу у себя за пазухой, Анатолий вытаскивал ее оттуда, вежливо благодаря. – Это уже пятый бритвенный прибор, дорогая. О! На этот раз Эйфелева башня. Занятно, но не слишком ли она велика? Таким лезвием не бриться, а траву на газонах косить. И почему ты все время мне суешь свои подарки под одежду? Складывай, пожалуйста, вот сюда. Пусть все видят, как ты это замечательно научилась делать, – русский язык оба – швейцарец и швейцарка, освоили вполне успешно, правда, после сеанса проведенного Михаилом, Анатолий некоторое время испытывал тошноту, на что имел неосторожность пожаловаться Сергею. Сергей разумеется, проникся самым искренним сочувствием и по мере сил помог ему от этого побочного эффекта избавиться. Натянул на кисти пару браслетов и руками размахивал перед остолбеневшим журналистом минуты две. В результате побочные синдромы исчезли, а из Анатолия поперла тюремная "феня", которую он каким-то образом умудрился подцепить во время снятия "порчи".

– С меня причитается, – заявил он, почувствовав облегчение. – Пайку хавать сядем, вякни. Я тебе какое-нибудь пойло подгоню. Бордо, Аперитив, Сивуху?

– Сбой какой-то видать случился. Я тебе феню на извилины не вешал, – тут же откровенно Сергей от очередного побочного эффекта. – Мозги видать у тебя, Толян, такие восприимчивые. Влез ко мне в черепушку самопроизвольно и нахватался в закоулках. Я сам уже забыл, когда по фене ботал.

– А че? Нормальный слэнг. Емкий, мать твою за ногу, – выдал очередные фразы Анатолий. – Век воли не видать. Отвечаю.

– Зачем ты, дорогой упоминаешь ноги его матушки? И как это ее "за ногу"? Чем? – Мерс укоризненно покачала головой, со стоящими дыбом волосами. Она перед зеркалом делала себе прическу, естественно с помощью браслета и процесс был в самом разгаре.

– Елки-метелки! – восхитился журналист, уставившись на подругу. – "Взрыв на макаронной фабрике" – так и колдыбай. Я такой ни у кого не видел. Эксклюзив – рашен. А ноги матушки здесь я упомянул потому что, так принято в некоторых социальных слоях России. Видимо для того чтобы подчеркнуть важность предыдущей фразы. Это все равно как приправа к блюду. Ну, перец, соль. Острота чтобы была.

– Не трогай, дорогой, матушек. В России таких называют "матершинник" и считают людьми малодостойными. Мне будет очень неприятно, если тебя станут так называть, – Мерс скрутила волосы в тугую "конский хвост", помотала головой, проверяя, насколько удобно ей с такой прической и перебрав десяток "мастей", остановилась на пепельно-золотистом, щелкнув окончательно пальцами.

– Хорошо, любимая. Только ради твоего душевного равновесия, дорогая. Клевая шмара получилась, – обнял он девушку, подкравшись сзади на цыпочках и охнул, получив легкий

электроразряд, а исчезнувшая мгновенно Мерс, материализовалась у него за спиной и, шелкнув пальцами, обездвигила выпучившего глаза журналиста. Волосы, коротко стриженные при этом встали на его черепе "ежиком" и девушка, придирчиво оглядев приятеля, произнесла.

– Ну, ладно, сойдет. Отомри уже, жуткая гримаса. Это, конечно, не "взрыв на макаронной фабрике", но торчат тоже очень впечатляюще. Так и ходи, – Анатолий схватился за голову, рассматривая себя в зеркале ростовом, которое, кстати, тоже Мерседес изобразила. Монументальное, с боковыми плоскостями. Трельяж. Руки журналиста коснулись волос, но пригладить или взъерошить их ему не удалось. Волосы торчали как гвозди.

– Солнце мое, что за хрень? Как с этим жить? Верни, как было, душевно тебя прошу, – простонал он жалобно.

– С одним условием, – сурово свела брови Мерседес.

– Все что угодно, кроме суицида, – легкомысленно и поспешно согласился журналист.

– Ты не поминаешь матушек по этой "фене" и не подкрадываешься ко мне сзади, – озвучила Мерседес условия.

– Легко. Ты, дорогая, оставила такое широкое поле, что грех жаловаться, – обрадовался Анатолий.

– Тогда имей в виду, я наворожила, что бы всякий раз при нарушении твоего обещания, прическа эта возвращалась, ну... и что бы тебе сразу это становилось понятно без зеркала, то слегка будет встряхивать электричеством, – торжественно сообщила "ворожея".

– Это что же выходит? Вообще поминать матушек запрещено?

– По фене – нельзя. А вообще сколько угодно, милый. Я что зверь? Если с уважением, если прогнувшись с почтительностью, то, пожалуйста, дорогой, – Мерседес погладила нежно Анатолия по голове и волосы торчащие, под ее рукой, послушно припали к скальпу.

– С вас 100 франков, мсье, – Мерседес ласково потрепала Анатолия по щеке.

– Банковскую карту принимаете? – деловито осведомился тот и полез в карман за портмоне. – Или наличными предпочитаете получить, мадемуазель?

– Предпочитаю.

– Тогда буду должен. Франков наличных нет. Рублями по курсу, если не возражаете.

– Рубль не надежен. В России вечно разборки происходят и, никогда не знаешь, что с этим рублем станет через один день. Будете должны, мсье. Обращайтесь, если возникнет необходимость освежить прическу. Постоянным клиентам у меня скидка. Мсье, Серж, сколько продлится приблизительно наше пребывание в этом веке? Ваш прогноз? – Мерседес обратилась к Сергею.

– Какой там прогноз? Все точно, как в аптеке. Два года, мадемуазель. За это время Анатолий залезет по уши к вам в долги, если не научится изготавливать эти самые франки.

– Как вы могли обо мне так подумать, Сергей? Это же противозаконно. Изготовление денежных знаков. Это называется фальшивомонетничество. За это сажают в тюрьму, на кичу. Я не хочу носить тюремный клифт и хавать баланду, – не принял идею Анатолий.

– Анатолий, вы в веке 17-ом. Здесь фальшивомонетчиков не сажают в тюрьму. Здесь их сажают на кол. В России. За рубли фальшивые. За франки вряд ли. Здесь пока нет бумажных ассигнаций. Смело принимайтесь за изготовление. Постарайтесь скопировать купюру так, чтобы она совершенно не отличалась от подлинной. Тогда это уже будет не фальшивомонетничество, а просто изготовление денежных подлинных знаков. Вы просто поможете казначейству выполнять свою работу. За что вас сажать хоть на кичу, хоть на кол? – взглянул на швейцарца, снисходительно улыбаясь Сергей.

– Убедительно. Остается раздобыть образец и материалы. Что там – бумага, краска? Что еще нужно? – доводы Сергея показались Анатолию вполне убедительными.

– Только образец. Материалы не нужны. М.Э, сообразит, если сумеете правильно скопировать. Должен вас предупредить. Это-то как раз и не просто. У меня ушло года три, пока

смог слепить подлинную ассигнацию. Ну а образец запросите у Васьки. В его группе есть такой архив. Любую подгонят, – просветил его тут же Сергей.

– Немедленно это сделаю, – Анатоль свистнул и перед ним материализовался Васька, с пакетом сухпая в зубах. "Троян", очевидно, собирался восполнить энергозатраты и именно в этот момент его и выдернуло из нижнего уровня в Административный. Выронив пакет из пасти, Васька прижал его лапой к полу и рыкнул:

– Мсье, внимательно вас слушаю.

– Извини, дорогой, что во время трапезы побеспокоил, но ведь ты сказал сам в прошлый раз, что, дескать, свистни, когда надобность возникнет. Вот и свищу. Возникла, – извинился Анатоль.

– Я не в буквальном, а в переносном смысле – фигуральном так сказать, – проворчал Васька. – Про свист этот. Так меня только Хозяин выдергивает из норы. Как это вам удалось, мсье?

– А разве это трудно? Подумал, послал запрос и свистнул. Делов-то, – пожал плечами Анатоль.

– Ладно, проехали, – Васька покрутил башкой, осматриваясь по сторонам и, оскалился любезно, увидев Мерседес. – Рад лицезреть вас, принцесса. У вас новая прическа? Очень и очень оригинальная.

– Ого! Ну, ты, Васяра, просто ловелас в полоску. Запал, я гляжу, на нашу гостью, – усмехнулся Сергей. – Уже принцесса?

– Ну что вы, Серж, достаете его всякий раз? Очень милый Вася. Внимательный и деликатный. Вот у кого следует поучиться тому, как должны себя вести джентльмены, если они джентльмены, – вступилась за "Трояна" девушка.

– Спасибо, мадемуазель, – Васька буквально "потек" от ее заступничества. – Затюкали они меня и работой загружают ведь с утра до ночи за еду и крышу над головой. Живу, можно сказать, в заточении, света белого не видя. Если выпустят раз в год на волю, то уже праздник. Весь год потом вспоминаешь, как это было. Хорошо, что на видео можно записывать. Крутишь потом и слезы горючие проливаешь. Тоска смертная, мадемуазель. Мысли совершенно суицидного свойства от такого рациона и режима содержания возникают. Давно бы лапы на себя наложил, да нельзя – грех это. Вот так и живу. Эх! – Васька смахнул лапой символическую слезу, и собрался было причитать дальше, но Сергей остановил его жестом:

– Заканчивай "плач Ярославны", морда пиратская. Срочно требуется сто франковая швейцарская купюра образца 2000-го года.

– Изображение или в натуральном виде представить? – тут же устранил из голоса плачущие нотки Васька, переходя на деловой, сухой тон.

– Оба варианта давай. Выведи на монитор изображение со всеми нюансами. Водяные знаки и прочую мудреть. Ну, а раз заикнулся о натуральном виде, то давай по экземпляру всего что есть в Швейцарии 21-го века в обращении, – откорректировал задание Сергей.

– Есть, – Васька исчез и появился через десять секунд снова. На этот раз в зубах он держал пластиковую папку, в которой оказались образцы денежных купюр Швейцарии.

– У вас что, на все страны заведены такие? – поинтересовался Анатоль, выдергивая папку из его зубов.

– Так точно. Было велено вести подобный учет семь лет, четыре месяца и четырнадцать дней тому назад Хозяином, – утвердительно кивнул «Троян».

– Что это ему вздумалось? – удивился Анатоль. – Ты ничего не путаешь, Вась?

– Нет. Команда была произнесена членораздельно, однозначно истолковывалась и выполняется неукоснительно. Отслеживаем изменения всех денежных знаков во всех странах. Образцы изготавливаем сами, – пояснил Васька и повернув голову к вошедшим в этот момент

в Диспетчерскую Михаилу и Петру Павловичу, завилял хвостом, как дворняга. – Вот Хозяин не даст соврать.

– Это вы о чем? – поинтересовался Михаил, не поняв, в чем он должен не позволить солгать "Трояну".

– Да вон купюры. Всех стран. Вы дали команду собирать образцы семь лет назад, – ввел его в курс дела журналист.

– Семь лет четыре месяца и четырнадцать дней, – уточнил Васька.

– Не помню, чтобы давал такое идиотское распоряжение, – удивился Михаил. – Запись давай, – Васька повернул голову к ближайшей стене и выдал на него овальный экран из глаз. Отрывок продемонстрированный, изобличал Михаила стопроцентно.

– Нужно завести каталог подробный денежных купюр, находящихся в обращении в мире от потопа и до последнего реального года. Желательно с образцами, для наглядности. Как показала практика – это нам необходимо, чтобы не попадать впросак. Займись, Серега, – это по твоей специфике, – Михаил сидел перед монитором в этом же помещении, пил кофе и делился мыслями с другом.

– Ты что опух? Это же вал какой. Да я тресну пополам под этим потоком. Знаешь, сколько изменений вносится только в современных купюрах ежегодно? Миш, поручи эту канитель своим прохвостам полосатым. Они там от безделья скоро опять же треснут, – на экране мелькнуло недовольное лицо Сергея.

– Хорошо, раз тебе в лом. Васька, слышал? Молодец. Выполняй! – видеосюжет на этом закончился и Васька добавил от себя, обличающим тоном.

– Там внизу число и время указаны – 14.00.

– Уел. Приношу свои извинения. Ну, и благодарность объявляю всей группе. Хорошо работаете. Молодцы, – смутился Михаил.

– Рады стараться, Хозяин, – рыкнул Васька почему-то в ухо сидящему рядом с ним в кресле Анатолю и журналист подпрыгнул от неожиданности.

– А чего в ухо мне орешь? Ори Хозяину, – сделал он замечание "Трояну".

– Ему нельзя. Может на Луну зашвырнуть. А там даже трава не растет. Чем пополнять энергозатраты, если нет никакой органики в наличии? – резонно заметил Васька.

– На Луну? – удивился швейцарец. – Разве такое возможно?

– Для него – ДА, – Васька преданно "ел глазами начальство".

– Ну, хорошо. А я, значит, на Луну не могу и мне поэтому можно рывкать в ухо? – поморщился журналист.

– Да, – нагло глянул в его сторону "Троян".

– А если я тебя мордой суну в унитаз и спущу воду – это как? – нахмурился Анатолий.

– Зачем в унитаз? – не понял его логики Васька.

– Чтобы жизнь пасекой не казалась. Суну и придержу на пару суток. Как тебе такой вариант, вместо Луны?

– Лучше чем Луна, но тоже отвратный, – вынужден был согласиться Васька. – Признаю свою ошибку и приношу искренние извинения, мсье. Был не прав.

За ужином, время которого наступило, Михаил высказал оптимистическое пожелание с утра выехать на север и, не услышав встречных предложений, пожелал всем приятного аппетита.

Анатолю с Мерседес за оставшееся время следовало еще освоить верховую езду. Ванюша сдержал слово и клоны "Троянов" получились вполне адекватными. Однако Михаил, чтобы не перепутать их с оригиналами, попросил Ванюшу зафиксировать им однотипный окрас, без возможности его менять.

– Я, конечно, отличу, но пусть и все остальные знают, что требования к этим копиям повышенные предъявлять не следует.

– Ты хочешь сказать, что все равно считаешь их тупицами?– обиделся Ванюша за качество проделанной им работы.

– У меня нет времени проверять, Вань. По дороге проверим заодно. И пусть будут "белыми воронами", чтобы ляпы сразу в глаза бросались, если таковые будут иметь место,– Михаил придирчиво осматривал лошадей, как две капли воды похожих на его Лерку.

– Белой масти, значит, раз ворон помянул?– сообразил Ванюша и лошади из гнедого окраса мягко перетекли в белоснежный.

– Это слишком, Вань. Так не бывает в природе. Мазни там сям всяко разное,– раскритиковал идеальный окрас Михаил.

– Бывает,– надулся Иван.– Вон Мурка моя абсолютно белая и без всякой магии. Природа-матушка сама постаралась.

– Мурка – исключение. Но я не потому, что бывает или не бывает, а просто слишком хорошо – тоже не хорошо. Устанем от желающих приобрести их любой ценой, по пути отбиваться. И наверняка эти желающие окажутся всякими там беками, эмирами, ханами и князьями да боярами. Добавь пигментных пятен на морды их хитрющие,– Михаил проверил наличие потайных отсеков и комплектацию снаряжения, а Ванюша принялся лепить на туловища лошадей различные пятна и так расстарался, что через две минуты обе превратились в лошадей неопределенного окраса. Всех цветов радуги.

– А вот так как тебе?– закончил раскраску Ванюша, с довольной физиономией разглядывая дело своих рук.

– Аляповато, по-моему, несколько. Убери процентов девяносто и будет в самый раз,– Михаил отошел от лошадей на десяток шагов и удовлетворенно кивнул, когда его просьба была выполнена.

– Выбирайте, господа. Кому какая нравится,– повернулся он к стоящим здесь же швейцарцам.– Назовите тоже сами. Прошу. Спасибо, Ванюш.

– Рад стараться, как Васька любит выражаться,– ответил тот и, увидев которого "Трояна" выбрала Мерседес, написал у него на пестром боку "Силь ву пле" кириллицей. Девушка, увидев и прочитав надпись, рассмеялась и погрозила пальчиком Ванюше, с которым у нее сложились очень теплые отношения. Иван буквально опекал девушку, вызывая недовольство и даже ревность у Анатоля.

– Так и назову – Сильвой. Ты Сильва, лошадка. Поняла?

– Да, Хозяйка,– замотала головой лошадь.– Как копытом об асфальт.

– Куда копытом?– не поняла девушка.

– Это такая идиома в русском языке из века двадцатого,– пояснила Сильва.– Люди говорят "как два пальца об асфальт", а у нас пальцев нет, значит, как копытом. То есть – запросто.

– Зачем пальцами об асфальт?– совсем запуталась в русских идиомах Мерседес.

– Этого я не поняла, но, наверное, потому что асфальт всегда под ногами и разыскивать его не нужно, как например какую-нибудь породу деревьев. Их становится на Земле все меньше и меньше, а асфальта все больше и больше. Люди не берегут природу – мать иху,– горестно вздохнула Сильва.

– Да ты, я смотрю, защитница природы. Тебя нужно было в зеленый цвет выкрасить,– рассмеялась девушка.– Из седла выбрасывать меня не станешь за прегрешения Человечества?

– Постараюсь, Хозяйка, перемещаться аккуратно,– покладисто пообещала лошадь, преданно на нее уставившись голубыми глазами.

– Красавица,– потрепала ее по холке Мерседес и, не откладывая в долгий ящик, вскочила в седло.– Но-о! Хэ-ей!– проскакав же из одного конца конюшни-гаража в другой, вернулась обратно, сияя улыбкой.

– Мне проще, я занималась немножко конным спортом. Совсем недолго, правда, а вот тебе, дорогой, придется вспотеть, – подмигнула она приятелю. – Я знаю, что ты лошадей только по телевизору видел. Не топчись. Имя придумал? – остановилась она рядом с журналистом.

– Назову-ка я ее Эсмеральдой, – пробормотал тот, несмело приближаясь к стоящей неподвижно лошади.

– Фи, – сморщила носик Мерседес. – Какая изощренная вульгарность. Где ты этого нахватался, Толик? Уж не с "феней" ли заодно подцепил в закоулках черепных Сержа?

– Ага, ты меня еще Толяном назови. Чем плохо погоняло? Нормально, по-моему, звучит. Эс-ме-раль-да, – по слогам произнес Анатолий и спросил у своего "Трояна". – Тебе как?

– Превосходное, замечательное погоняло. Чтоб мне одними сухарями давиться всю оставшуюся жизнь всухомятку, – живо отозвалась лошадь, вскидывая гордо голову.

– Длинновато, правда, получилось, – наморщил лоб швейцарец. – Тут, пожалуй, Мерс права. Значится так. Слушай сюда, Эсмеральда. Эсмеральда – будет имя твое парадно-выходное, ну а для повседневного употребления слегка сократим. Будешь – Эс.

– Кру-у-у-то, – тут же взвыла радостно Эсмеральда. – Имя из двух букв. Хозяин, ты гений!

– Нормальный я. Давай без подхалимажа. Не люблю я славословий пустопорожних. Усекла? – сделал замечание «Трояну» Анатолий.

– Да, – тут же согласилась Эс. – Усекла.

– Тогда поехали, – Анатолий вскарабкался в седло, поерзал на нем, приноравливаясь и скомандовал. – Фордверст, – Эс рванула с места так, что не успевший среагировать на эту прыть журналист, кувыркнулся с нее на пол конюшни. Повезло ему, что сверзился он прямо на Михаила, который перехватил его в полете и мягко поставил на трясущиеся ноги.

– Ёська! – крикнул Михаил рассерженно. – Что за прыжки? В следующий раз предупреждай всадника о скорости, которую собралась выдать из своей утробы.

– Слушаюсь, – виновато потупила карие глаза Эс, эволюционировавшая из Эсмеральды в Ёську за пять минут.

– Ёська? А что – подходяще, – пробормотал Анатолий, вытирая выступившую на лбу испарину. – Мать твою перемать. Ой, извини, любимая. Вырвалось невольно, – тут же завопил он, хватаясь за голову, на которой волосы встали дыбом. – В состоянии аффекта, солнце мое. Сними заклятье.

– О-о-х. Трудно мне с тобой будет, Толян. Ты оказывается раб привычек и условностей, – Мерседес щелкнула пальцами, устраняя последствия заклятья.

– Я не раб, солнышко. Я привык обещания выполнять, но тут ситуация сама видела как сложилась неожиданно. Вот и вырвалось непроизвольно, – покраснел журналист от досады. – Ты не могла бы несколько понизить электроразряд? У меня чуть мозги из ушей не потекли. Сколько интересно вольт не пожалела наворожить?

– Не знаю, милый, – Мерседес спешила и нежно обняла Анатолия. – Я на глазок. Думаю, что не больше двухсот.

– Ох! – Анатолия тряхнуло так, что даже Мерседес дернулась вместе с ним. – Убавь, дорогая. Пожалей мои мозги. Ты же не хочешь, чтобы я свихнулся от этой шоковой терапии? Я, конечно, буду стараться, но время-то какое экстремальное вокруг. И еще, .. нельзя ли так сделать, чтобы волосы дыбом вставали не очень на долго. Ну, минут на несколько. Вдруг тебя рядом не окажется. Я же людей до смерти перепугаю или рассмешу.

– Хорошо, хорошо, – не стала спорить с ним девушка, щелкая пальцами. – Заряд будет совсем маленький. Вот такусенький, – показала она свой мизинец. – А прическа восстановится через десять минут. Ты доволен, дорогой?

– Просто счастлив, – Анатолий поцеловал продемонстрированный ему мизинец. – Ты прелесть, детка.

– Я дико извиняюсь, друзья, за то, что вынужден напомнить вам о времени, которого у нас в обрез,– нарушил их идиллию Михаил.– Анатолий, полезайте в седло и если выпадете снова, то не рассчитывайте, что я опять окажусь рядом. Привыкайте надеяться на себя.

– Слушаюсь,– щелкнул каблуками Анатолий, дурашливо козырнув и, запрыгнул в седло, так будто с детства только этим и занимался. Выбрав уздечку, он развернул резко Еську и прищипорив ее, заорал на всю конюшню.– Дурное дело нехитрое. Хэй-е-ей!!!– и действительно вполне уверенно сделал круг почета. Подъехав к стоящим Михаилу и Мерседес, склонился в седле и доверительно сообщил:

– Довелось и мне как-то взять пару уроков у знакомого жокея, дорогая. Не такой уж я и лопух, как тебе порой кажется.

– Ну и почему тогда выпал из седла? Клоунадничал?– свела брови на переносице Мерседес.

– Нет. Выпал я натурально. Не учел шустрости Еси. Тут без клоунады. Сначала подыгрывать тебе решил, а потом все само собой пошло. Вышло вернее из-под контроля,– признался журналист.

– Что ты еще такое умеешь, чего я не знаю? Выкладывай,– девушка продолжала притворно хмуриться.

– О-о-о! Это очень много времени займет и, я надеюсь, что буду преподносить тебе сюрпризы, дорогая, еще долгие годы, пока смерть не разлучит нас.

– А конкретнее?– настаивала Мерседес.

– Я, например, неплохо пою романсы. А ты даже не догадывалась об этом,– Анатолий подбоченился в седле и выдал баритоном. – У кошки четыре ноги, а сзади у ней длинный хвост. Но трогать ее не моги-и-и, не моги-и-и, за ее малый рост, малый рост. Ну как?

– Поешь ты громко и главное на актуальную тему. Вон даже Мурка примчалась,– улыбнулась девушка.– Ладно, я удовлетворена. Будем знакомиться с тобой и твоими дарованиями постепенно. Михаил, вы обещали показать коллекцию холодного оружия. В этом веке оно нам очень понадобится, я надеюсь,– обратилась она к Михаилу.

– Вы амазонка, Мерс. Снимаю шляпу. Вон та дверь. Прошу. Там же и по "Трояну-разведчику" себе выберете. Им так же необходимо дать имена. На этом программа "молодой боец" себя исчерпывает. С огнестрелом вы худо-бедно ознакомились, остальное доберете в процессе путешествия. У вас есть на это три дня.

– Сколько километров отсюда до Нижнего?– осведомился Анатолий.

– По прямой, две с половиной тысячи, плюс изгибы дорог. За три дня доберемся, я надеюсь,– ответил Михаил.

– Верхов? Это если скакать непрерывно,– усомнился журналист.

– Если непрерывно, то гораздо быстрее. Спроси у своей Еськи. За сколько она придет к финишу.

– И за сколько, Есь?– потрепал швейцарец "Трояна" по холке.

– За сутки, мсье,– не задумываясь ответила лошадь.

– Это если не слезать вообще с лошадей, Анатолий. Но нам такая спешка вовсе ни к чему. Не так уж и беспомощны все же Леонидович и Силиверстович, чтобы лететь к ним сломя голову. Поедем быстро, но без суеты. Прошу в оружейку,– Михаил направился в сторону указанных им дверей и швейцарцы поспешили следом, оставив лошадей посреди конюшн-гаража.

Глава 7

А утром следующего дня группа из пяти всадников подъезжала к Самарканду, который встретил их заунывными призывами муэдзинов к правоверным. Работающие на полях дехкане, откладывая в сторону кетмени и, расстелив коврики, дисциплинированно становились на колени. "Алла акбар".

– Время второй молитвы, – авторитетно заявил Сергей, дымя сигаретой. – Или третьей.

Чтобы не обострять на себе внимание, путешественники вырядились соответственно нынешним азиатским нормам и халаты с чалмами, подобранные по каталогам, выбрали расцветок не броских. Сергей предложил нарядиться Мерседес в паранджу и даже услужливо изготовил ей комплект, но предложение это отвергнуто девушкой было с таким негодованием, что успокоиться она не могла целый час. Практически весь путь до Самарканда. Оделась же, как и все в халат и, спрятав "конский хвост" под чалму, превратилась в симпатичного мальчишку, правда, жутко ворчливого и всем недовольного. Особенно доставалось, конечно же, Сергею и любое его слово встречалось в штыки, даже самое безобидное. Вот и сейчас его реплика не была оставлена без внимания, и тут же прозвучало, критическое замечание. Ехидное и пропитанное язвительностью.

– Вы, Серж, как я погляжу, эксперт по исламу. Какое точное определение.

– Медресе, конечно, не заканчивал, но муллу от ксендза отличу запросто. У муллы морда загорелая, а у ксендза бледная, – заулыбался Сергей в ответ.

– А у православных батюшек какая? – язвительности в голосе у Мерседес не убавилось.

– У наших красные. Это от недосыпу. Молятся денно и нощно за нас грешных, – Сергей подмигнул девушке, но она проигнорировала его попытку сделать шаг к примирению и заявила тоном безапелляционным.

– А я слышала, что они все поголовно обжоры и пьяницы. И еще бабники.

– Это кто же вам на наших батюшек такое наклепал? – расстроился Сергей. – Плюньте в рожу этому клеветнику. Наши батюшки, в большинстве своем, святой жизни люди. Вам просто встречать их не приходилось, вот и верите наговорам. Это надо же такое выдумать. Обидно, Мерс. Самое дорогое грязью облили. Как жить теперь?

– Ничего, как-нибудь справитесь, – хмыкнула швейцарка, которая искренне предположила, что ее шпилька в адрес православных священников, попала куда нужно – в больное место и настроение ее несколько приподнялось.

– Да, я вижу, у вас злопамятная и мстительная натура, мадемуазель. Неужто, все еще за мою давешнюю шутку с паранджой гневаться изволите? – не остался в долгу Сергей.

– Так это была шутка, мсье? Вот оно что. И в котором месте я должна была, по вашему мнению, упасть на пол от смеха? – вспыхнула возмущенно Мерс.

– Желательно сразу. Тут ведь как. Если чувство юмора у человека есть, то он сразу падает, а если нет, то брюзжит как старый спившийся сапожник, – Сергей хлопнул Верку между ушей и поменял ей масть на каурую. – Вер, ты что по этому поводу думаешь? – спросил он ее при этом.

– Согласна, абсолютно с тобой, Хозяин, – покосилась на Мерседес голубым глазом Верка, явно осуждающе.

– Это я сапожник? Брюзжащий, без чувства юмора? – Мерседес придержала Сильву и возмущенно открыла рот, собираясь выдать очередную порцию язвительных реплик в адрес Сергея, но ее дернул за рукав Михаил и шепнул на ухо:

– Мерс, потом разберетесь с Сергеем, взгляните вперед. Это наверняка дружина, какого-нибудь местного бека. Приготовьтесь. Активируйте "Завесы". Береженого – Бог бережет. Просто так нам мимо них не проскочить. Я говорю, все молчат, улыбаются и руки держат на сабельных рукоятках.

Азия церемонна на словах, но действует без предупреждения и коварство это непредсказуемо. Могут, улыбаясь, всадить кинжал в бок, пожелав перед этим крепкого здоровья и долгих лет жизни. Тем более, что в ханстве Бухарском сейчас нечто вроде гражданской войны происходит. Междоусобица. Один правитель ушел в мир теней и на его кресло такой большой конкурс, что без "разборок" не обошлось. Почти как у нас в России. Некоторая аналогия просматривается. Самозванцев, правда, нет. У всех претендентов на трон полный порядок с родословной. Резня поэтому за это "святое место" длилась недолго, всего лет пять. Но сейчас самый пик противостояния двух самых авторитетных соискателей. Бодаются Вали Мухаммед хан и Имам Кули хан из династии Аштарханидов,— выдал Михаил короткую историческую справку.

А навстречу их группе двигался вооруженный отряд числом в сотню и, расстояние между ними сокращалось стремительно, так как формирование это вооруженное двигалось довольно резвой рысью. "Проскочить просто так" мимо действительно не удалось. Сотня, повинувшись взмахам рук и гортанным выкрикам своего предводителя, четко разделилась на две половины и, обтекая их группу с двух сторон, моментально окружила плотным кольцом из лошадиных морд и суровых, прорезей глаз на загорелых до черноты лицах воинов.

— Кто такие? Ярлык есть?— из плотного кольца выступил на лошадиный шаг, явно начальствующий над этой оцетинившейся копытами сворой и принялся сверлить требовательным и властным взглядом путешественников.

— Мы послы из Московской Руси. Двигаемся в Бухару. Верительные грамоты у нас в порядке,— ответил Михаил и протянул приготовленный ярлык, свернутый в трубку и завернутый в кусок китайского шелка, предводителю.

— Московиты уруссы,— презрительно скривил тот узкие губы, но свиток принял и передал его находящемуся слева от него подчиненному.— Хасиб, зачитай громко,— грамотей тут же принялся исполнять повеление хриплым, но довольно выразительным голосом, развернув свиток и подставив его солнечным лучам. Послание было адресовано хану Вали Мухаммеду от царя Василия Шуйского и кроме цветастых и многочисленных приветствий ничего в себе не содержало. Поэтому дочитав до конца, в котором "царь и государь бил челом", глашатай, свернул свиток и вернул его командиру, пожав довольно бесцеремонно плечами и высказав свое мнение, которое, кстати, никто и не спрашивал.

— Полная чушь, светлейший Бек. Пустой набор фраз. Ни о целях, ни о намерениях нет ни слова. Предложений тоже никаких. Царю урусов, похоже, нездоровилось, и он излил свое плохое самочувствие на слуг. Поднял их с насиженных мест и прогнал подальше.

— Наш Государь, светлейший Бек, один из мудрейших людей в подлунном мире и нам не хотелось бы слушать здесь хулу в его адрес, почти не прикрытую, от ваших слуг. Прикажете замолчать невежде или он будет очень сожалеть, что однажды его родители воспылали друг к другу очередной страстью и зачали его, не подумав о последствиях их порыва для плода, в результате посланного Всемогущим Всемиловитившим Аллахом,— отреагировал немедленно Михаил на комментарии чтеца.

— Интересно было бы посмотреть каким образом вы заставите "сожалеть невежду", если я не затворю его дерзкие уста,— приподнял удивленно брови Бек и опять впился буравчиками прищуренных глаз, но теперь исключительно в Михаила. Но с ответной репликой влез Сергей, буркнувший без "политесов" — просто и доходчиво, как он думал:

— Глаз на задницу натянем и моргать заставим.

— Что?— не понял Бек, повернувшись к нему в седле всем корпусом.— Глаз, на задницу? Как это? Почему будет моргать? Человек умрет, если ему это сделать.

— Один раз моргнуть успеет, прежде чем откинуть копыта,— улыбнулся Сергей.

— Копыта? Ха!— Бек распахнул узкие, азиатские глаза удивленно и рот его расплылся в улыбке.— Ты слышал, Хасиб? У тебя не ноги, как у всех правоверных, а копыта, как у лошади.

– Светлейший Бек, позволь мне отрезать уши неверному?– рванулся из-за его спины обидевшийся Хасиб. Парнем он оказался не только грамотным, но еще и вспыльчивым крайне, а в руке его уже сверкал кривой клинок. Бек взглянул на него и, собрался было что-то ответить, но его опередил Сергей.

– Разреши, Светлейший Бек, не останавливай дурака и ты получишь возможность увидеть как у нас их учат уму-разуму в России.

– У вас учат дураков?– Бек опять невольно улыбнулся.

– Кого же еще? Умный и так умен. Позволь. Обещаю пока глаза на задницу не натягивать и не увечить мальчишку. Хороший подзатыльник пойдет ему на пользу. Родители-то его, очевидно, были очень занятыми людьми и воспитанием парнишку не обременяли.

– Подзатыльник Хасибу? Ха-ха-ха. Это мой лучший нукер. Он рубится обеими руками. Ты хорошо подумал, урус? Ха-ха-ха,– развеселился Бек.

– Я вижу, что вы его высоко оцениваете, Светлейший Бек, но даже если бы у него было еще две руки, вместо копыт, и ими он тоже умел держать саблю, то и тогда я бы не отказался от удовольствия преподнести ему урок,– Сергей склонился в седле, приложив руку к сердцу.

– Хасиб, он твой. Шире круг!– крикнул резко и зло Бек, разворачивая лошадь и стегая камчой по спине нукера.– Получи урок или накажи уруса,– круг раздался метров до тридцати и в его центре, друг против друга в десятке метров, замерли Сергей и Хасиб.

– Предлагаю пеший поединок, урус,– крикнул нукер, выпрыгивая из седла, не дожидаясь согласия противника, проявляя инициативу и не позволяя себя опережать ни в чем.

– Мне по барабану – хоть леж,– ответил Сергей, спешиваясь и хлопком по крупу, убирая Верку себе за спину. Хасиб кинулся на него коршуном и сверкнувший на солнце клинок, высек искры из подставленного Сергеем рукава халата. Свою саблю из ножен он вынимать не стал, а ответным выпадом, как и обещал, отвесил нукеру подзатыльник. Силу несколько не рассчитал, и парень покатился кубарем по пыльной самаркандской дороге, гремя снаряжением, теряя его частично и замерев в конце пути прямо под копытами у жеребца Бека.

– Эй, Хасиб!– окликнул его тот и, спешившись, присел рядом с лежащим нукером на корточки.– Ты жив ли?– в ответ ему прозвучало невнятное мычание находящегося без сознания парня и Бек, выпрямившись во весь рост, повернул лицо в сторону стоящего в центре Сергея.

– Ты, урус, сдержал свое слово и клянусь Аллахом Всемиловитым и Милосердным, такого бойца мне еще не доводилось встречать в своей жизни. Этому шалопаю выпала высокая честь сразиться с таким богатуром. Он потом будет гордиться, что был первым среди тех глупцов, кто осмелится последовать его примеру. Как зовут тебя, урус-батыр?

– Сергием нарекли родители, Светлейший Бек,– Сергей приложил руку к груди.– Позволь же и нам узнать твое имя.

– Я Бек Ялангтуш. Здешний наместник хана. Честь имею,– представился Бек, и так же приложив руку к сердцу, спросил:

– Это мои нукеры и называть их имена ни к чему. Одно вы уже знаете. А как зовут твоих спутников Батыр-Сергий?– следующие десять минут ушли на обстоятельное знакомство, во время которого все путешественники представились Беку и он, каждому поклонившись, остановил свой взгляд на Мерседес.

– Ваш юный спутник, не слишком ли молод для столь опасной миссии как посольство? И отчего столь малочисленно оно?– спросил Бек.

– Меньше народу – больше кислороду,– пошутил Сергей, но Бек опять не понял, что он имел в виду и переспросил:

– Вы сказали, Батыр-Сергий, что воздуха может на всех не хватать. Как это понять и почему ваши спутники при этом весело улыбаются?

– Воздух, Светлейший, по достоверным исследованиям ученых мужей, состоит из разных субстанций, но самая главная составляющая в нем – кислород. Человек вдыхая воздух,

поглощает его и обратно не выдыхает. Поэтому если собрать много людей сразу в тесном помещении, то дышать становится трудно. Значит, чем больше народу, тем меньше кислороду,— попытался Сергей объяснить смысл сказанных им слов.

— Ты еще и учен, Батыр-Сергий,— изумленно всплеснул руками Бек.— Поясни же мне не столь образованному как ты, откуда тогда в воздухе снова появляется этот кислород, если люди его все время поглощают и усваивают?

— Люди, Светлейший Бек, не поглощают кислород совершенно. Они его выдыхают, но непригодным. А вновь пригодным он становится, что бы им можно было дышать, только через определенное время и для этого ему нужно очиститься. Хорошо очищают его растения. Поэтому в лесной чаще дышится легче, чем в закрытых помещениях,— принялся объяснять Сергей.

— Я понял. Растения тоже усваивают кислород, но не пригодный для людей. Велик воистину Аллах, сотворивший Вселенную столь разумно. Во всем есть Премудрость Его. Алла акбар,— Бек поднял руки и провел ладонями по лицу. И все его нукеры тут же чуть ли не хором рявкнули дружно: — Алла акбар!

— Вы напрасно проделали столь долгий путь, уважаемые,— неожиданно переменял тему разговора Бек.— Вы не сможете попасть в Бухару. Она в осаде. Нынешний Правитель — Вали Мухаммет Хан оказался недостойн занятого им трона и правоверные по Воле Всевышнего, пытаются объяснить ему это. Что есть более достойный из династии Аштарханидов — Имамкули Хан. Его они желают видеть своим Повелителем. Как сказал Пророк Мухаммет, да благословит его Аллах и приветствует, «Каковы вы есть, таковы те, кто правит вами». Хан Вали носит имя Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, но как сказал Пророк Мухаммет, да благословит его Аллах и приветствует, — «Проявляющие излишнюю щепетильность и чрезмерную строгость — погибнут».— Таков Вали Мухаммет Хан.

— И еще Пророк Мухаммет, благословение ему от Аллаха, привет и наилучшие пожелания, сказал,— "Рай в тени ваших мечей",— поддакнул ему Сергей, который перехватив роль лидера у Михаила, продолжал ее удерживать.

— Он и это сказал? Солля ллаху алейхи ва саллям,— обрадовался Бек.— Ты Батыр-Сергий не правоверный ли? Знание изречений Пророка, солля ллаху алейхи ва саллям, делает честь любому правоверному. А уж иноверцу...— Бек развел руки в стороны и, прижав их к сердцу, склонил голову в церемонном поклоне.

— Я Православный Христианин,— не стал вводить в заблуждение Бека Сергей.

— Вах. Ты поклоняешься пророку Исе бен Мариам, мир ему, почитая его Богом. Это не верно, но мы чтим пророка Ису бен Мариам, мир ему и благословение, как слугу Аллаха Всемогущего и Милосердного. И Он сам решает, кому и когда открыть глаза. Знаешь ли ты и твои путники Шахаду?

— Да, Светлейший Бек, знаем. Ашхаду алля ил яха илля ллаху ва ашхаду анна Мухаммадар расулюллахи,— выдал Сергей на одном дыхании.

— О-о!— Закатил глаза Бек.— Вам остается добавить к Шахаде, что вы считаете пророка Ису бен Мариам Его рабом и Посланником, чтобы стать правоверными. Это гораздо полезнее для души, нежели пребывать в неверности.

— Мы подумаем над твоими мудрыми словами, Светлейший Бек, а сейчас позволь нам продолжить путь. Мы спешим выполнить свою миссию. Служба такая,— развел руками с сожалением Сергей.

— Вашему Повелителю — царю Василию, мир ему, следует уже писать и посылать послов к новому хану Имамкули, мир и благословение ему Аллаха,— нахмурился Бек недовольно.

— Наш Государь, предусмотрел разные варианты. Этот тоже,— улыбнулся Сергей.

— Ты хочешь сказать, что у вас есть послание и к Имамкули хану, мир ему и долголетие?— растерялся Бек.

– Я хочу сказать, что мы везем послание Бухарскому Хану. Как его будут называть его подданные, так его станем называть и мы. И напрасно твой нукер назвал наше послание пустословным. Московская Русь предлагает Бухаре дружбу. Разве этого мало?

– Э-э-э! Много! Очень много, но где Москва и где Бухара?– скривил Бек губы в ухмылке.– У нас нет общих границ.

– Вот и хорошо. Значит, делить нам нечего, кроме соседских территорий,– подмигнул ему Сергей заговорщицки и Бек замер, приоткрыв рот, усваивая услышанное и, затем захохотал так заразительно, что вся его дружина сначала захрюкала тут и там, а потом схватилась за бока и заржала в сто глоток, вслед за своим предводителем. Слова Сергея расслышали все и смеялся заливисто, даже получивший от него подзатыльник Хасиб, уже сидящий в седле и поглядывающий на Сергея с желторотым восхищением.

– Вот что, значит, у людей есть чувство юмора,– повернувшись к Мерседес, произнес вполголоса Сергей и та вспыхнула возмущенно, перестав улыбаться.

– Да им палец покажешь и, они будут ухаживаться, а уж если два, то вообще веселье такое начнется, хоть святых выноси,– проворчала она в ответ.

– Дикари и дурачки, так что ли?– не удержался от замечания Сергей.

– Темные конечно. Невежественные, с примитивными мыслями,– кивнула швейцарка.

– Напрасно, Мерс, вы так легко развешиваете ярлыки. Взгляните на их лица. Это цвет нации. Лучшие. Гвардия. Самарканду уже тысяча лет как городу, а Швейцарии еще нет. Кантоны только собираются создать свой союз. В этом веке Самарканд в некотором упадке, но все же продолжает оставаться центром наук и искусств. И не такие уж и темные эти парни для своего времени. Вот хоть Хасиб. Бойко как на фарси изъясняется, и заметьте, Мерс, он его выучил обыкновенным образом. Долгие годы на это у него ушли. А не минуты, как у вас с Анатолем. Да, кстати, а фарси-то вы и не проходили. Так что, пожалуй, у Хасиба фора в этом.

– Зачем мне фарси?– пожала плечами Мерседес.– За день мы пересечем территории, на которых он нужен. Пустая трата времени. Я так подумала.

– Напрасно, потому что вся Азия говорит на фарси. Знания лишними не бывают,– возразил ей Сергей.

– Хорошо, я поняла,– сделала смиренное лицо девушка.– Только прекратите ради Бога ворчать, как спившийся сапожник.

– Ну, язва! В меня мой же "булыжник",– рассмеялся Сергей, а Бек напротив, смеяться прекратил и, отдав несколько распоряжений, отправил своих бойцов в колонну по три дальше, задержавшись рядом с "послами московскими" вместе с Хасибом, который очевидно был при нем кем-то вроде адъютанта или оруженосца.

– Мы выдвигаемся в Карши, уважаемые послы, и если желаете, то можете следовать с нами. Дороги сейчас опасны и я бы вам посоветовал не пренебрегать моим предложением. Клянусь Аллахом ни один волос не упадет с ваших голов, пока не слетит с плеч моя,– Бек приложил руку к сердцу и почтительно склонился.

– Благодарим, Светлейший Бек, но мы не можем принять ваше предложение. Вы, очевидно, заметили, что мы несколько уклонились от прямого пути и сейчас следуем в Самарканд. Мои спутники и я, много слышали о красоте этого славного города и захотели своими глазами взглянуть на это чудо.– Отказался от предложения Бека Михаил.

– Я польщен, что о Самарканде слух дошел к вам в далекую Московию и не смею вас более задерживать, да благословит вас Аллах и приветствует,– опять склонил голову Бек.– Хасиб, сын мой, принеси свои извинения почтенным послам. Ты вел себя легкомысленно,– повернулся он к парню и тот, покраснев, как гимназистка на первом свидании, прижал руку к груди:

– Прошу простить меня за дерзкие слова, сказанные необдуманно, уважаемые,– произнес он.– Клянусь Аллахом, что впредь буду учтив,– произнесся "саллаллаху алейхи ва саллам" парень поклонился и добавил.– Ин ша Аллах.

– Поклялся и тут же на Бога все свалил,– перевел Петр Павлович, для Мерседес и Анатоля.– Сказал в заключении, что если будет на то воля Божья. И не подкопаешься, потому что в медресе явно обучался сей юноша и научен, как произносить клятвы, чтобы потом не отвечать по ним.

– И что тогда толку в таких извинениях и клятвах?– не понял Анатоль.

– Мусульманин обозначает свои намерения и все. Это как ни к чему не обязывающее обещание с одной стороны, с другой, если он не произнесет последней фразы, оно становится клятвой. Богом ведь клянется и при свидетелях. Хотя не это важно. Важен сам факт, о котором, прежде всего Бог и знает. Истинный мусульманин может поклясться мысленно, в сердце своем и этого достаточно, чтобы потом ответить за нарушение клятвы.

– Что, очень суровое наказание?– заинтересовался журналист.

– Очень суровое. В Ад душа нарушителя отправляется после смерти. А мулла, к которому нарушитель идет каяться, чтобы душу от Ада спасти, накладывает эпитимию. Отмаливает себя мусульманин. Постится целый день при этом. Ночью ест, днем спит,– почти шепотом объяснял швейцарцам "суровые законы" шариата Петр Павлович.

А тем временем откланявшиеся Бек и его, как выяснилось, сын уже мчались вслед за своей сотней, растворившейся в дорожной пыли.

– Ошибается Ялангтуш, будущий бий алчин и Эмир Самаркандский, не будет Ханом Имамкули в этом году. Только в следующем 1611-ом он возьмет Бухару,– глядя в след скачущему Беку, произнес Сергей.– А Вали Мухаммед еще успеет взять Самарканд и привести к покорности строптивый город огнем и мечом. Потом Ялангтуш выбьет гарнизон оставленный из Самарканда и присягнет новому Хану. А тот сделает его за это эмиром Самаркандским и главнокомандующим своей армии. Вам, братцы, только что довелось увидеть узбекского Пожарского. Роль почти ту же выполнял.

– Может нам посчастливится и здешнего Минина повстречать?– не удержалась от ироничного замечания Мерседес.

– Напрасно иронизируете, мадемуазель,– холодно улыбнулся ей Сергей.– Этот человек, действительно толковый полководец и не проиграл ни одного сражения. А служил он Хану лет тридцать, все время воюя. А вот Минина здешнего, как такового, по аналогии с нашим, не было. Эту роль выполнил успешно сам Имамкули Хан. А с ним мы вряд ли встретимся. Он как раз в городе Карши и обосновался, куда так поспешает Ялангтуш. Нам в другую сторону к сожалению.

– Почему, к сожалению, мсье Серж? Вам хотелось бы принять участие в местных разборках? Так, кажется, говорят русские?– опять не удержалась от реплики швейцарка.

– К вашему сожалению, я имел в виду, мадемуазель Мерседес,– отрезал Сергей, которому надоели пустые препирательства и его холодный тон несколько поубавил задора в глазах девушки, понявшей, что еще пара таких фраз и она получит если не врага, то наверняка и не друга.

– Извините, мсье Серж, я наговорила сегодня вам столько глупостей, что вы вправе на меня рассердиться и ворчать, как сапожник,– жалобным голоском произнесла она.– Примите презент в знак моего искреннего раскаяния,– девушка щелкнула пальцами и протянула Сергею пачку сигарет.

– Мерси боку, мадемуазель. А я-то думаю, чего это моему организму не хватает. Вы уверены, что у вас в сигаретах табак, а не укроп с петрушкой? Мне как-то довелось получить в подарок именно с такой начинкой. И тоже в знак искреннего уважения,– Сергей покосился на Михаила.

– Кто старое помянет, тому глаз вон,– напомнил ему тот старую русскую мудрость, а Анатоль закончил, радостно заулыбавшись, продемонстрировав хорошую память:

– А кто забудет, тому оба глаза на задницу натянуть и один раз заставить моргнуть, если успеет,–Петр Павлович, Сергей и Михаил не удержались от смеха, а Мерседес покраснела и, дернув журналиста за рукав, сделала ему замечание:

– Дорогой, тебе не кажется, что это все же за рамками приличия? Где ты услышал такое?

– Только что в беседе с местным Пожарским мсье Серж примерно вот так же сказал. Я самую малость поправил,– Анатоль удивленно приподнял брови, не понимая, почему мужчины смеются, а его подруга им недовольна.– Что я сказал не так?

– Но ты ведь тоже не учил Фарси? Как же ты понял, о чем тут шла речь?– попыталась уличить его Мерседес.

– Очень просто, дорогая. Вот этот прибор называется "сурдопереводчик". Вставляешь его в ухо и все. А вот этот нужно прицепить на гортань и тогда он имитирует местную речь. Все просто. Ты забыла про этот артефакт. А нам его показали в первую очередь. Очень функциональное устройство. Можно было вообще не учить никакие языки. Попробуй,– Анатоль протянул девушке прибор и та, хлопнув, себя по лбу, упрекнула его:

– Ты не мог напомнить мне о нем чуть пораньше, дорогой? Я, кажется, пропустила столько интересного.

– Вряд ли нам еще раз доведется встретиться в этой жизни с этими людьми. Ну что, господа послы, приступим к беглому осмотру местных достопримечательностей? На пару часов, думаю, нам Михаил позволит здесь задержаться. Заодно и пообедаем, в какой-нибудь чайхане,– Сергей развернул Верку в сторону Самарканда и уже хотел пришпорить ее, но крики, раздавшиеся с той стороны, куда усакала сотня Ягантуша, заставили его развернуться опять и прислушаться. Остальные путешественники также замерли, повернув головы в ту же сторону. За изгибом дороги, ныряющей в ущелье, пока невозможно было разглядеть, что случилось, но буквально через несколько секунд в клубах пыли показался всадник, несущийся стрелой в их сторону.

– Хасиб никак,– присмотрелся из-под ладони Петр Павлович.– Случилось что-то.

Осадив взмыленного жеребца, нукер №1 тревожным голосом буквально прокричал:

– Уважаемые, вам следует немедленно скакать в Самарканд и укрыться за его стенами. К городу движется враг. Очень много. Тысяча или больше всадников. Бек приказал сообщить вам об этом. Он ведь поручился за ваши жизни своей. Мы задержим воинов Мухаммед Хана. Но мы будем отступать к Самарканду. Поспешите, Уважаемые, времени совсем мало,– проорав на одном дыхании эти несколько фраз, джигит развернул коня и усакал обратно.

– Я, смотрю, этот Ялангтуш настоящий мужик. Слово свое держит – не трепло,– одобрительно отозвался о местном "Пожарском" Петр Павлович.– Поехали в город что ли? Или присоединимся к его бойцам, да слегка разомнемся перед обедом?

– Ты, па, как Серега почти в этих вопросах. Тебе бы все повоевать. Стоит ли вмешиваться? Это не наша война, как америкосы в своих фильмах любят повторять. В город конечно,– Михаил развернул Лерку в сторону Самарканда.– Пока там с перепугу ворота не заперли и не лишили нас возможности полюбоваться на шедевры зодчества.

– Тогда сделать это нужно очень быстро. Вон уже выдавливают ялангтушцев из ущелья супостаты. Может, все же поможем? Перебьют ведь их из-за нас, между прочим,– Сергей вертелся в седле. Ему явно, как и Петру Павловичу, не хотелось вот так просто уйти. Поредевшая изрядно сотня, отстреливаясь из луков от нападающих на них врагов, показалась из ущелья и довольно быстро откатывалась к городу.

– Проголосовать предлагаешь? Ну, какие еще мнения есть? Мерседес, Анатоль, ваше слово решающее. Я против,– высказал свое мнение Михаил.

– Я тоже считаю, что нельзя бросать вот так их без помощи. Этот Бек такой представительный мужчина – настоящий мужчина и как оказалось джентльмен, – высказала свое мнение Мерседес. Таким образом лишив Анатоля смысла высказывать свое мнение.

– Три один, – констатировал Михаил результат летучего референдума. – Подчиняюсь большинству. Но тогда экскурсия по Самарканду с обедом в чайхане отменяется, господа. Предлагаю пройти сквозь эту тысячу в сторону Бухары и повернуть на север. Рубить людей запрещаю. Просто вырубим всех, кто под руку подвернется и вперед.

– Чем вырубим? – не понял Анатолий, так и не высказавший свое мнение.

– Хороший вопрос, – Михаил щелкнул пальцами и раздал каждому из соратников по здоровенной дубине размером с хорошую оглоблю. – Вот этим, – а над головами "москвитов" уже засвистели первые стрелы и, Верка шарахнулась от летящей в ее морду, чуть не выронив Сергея из седла.

– Ты чего дергаешься? – дернул он ее за ухо. – За шкуру свою синтетическую переживаешь или за видеосенсоры? Так им эта стрела, как слону дробина.

– Я за тебя, Хозяин, переживаю. У тебя-то шкура не из синтетики, а "Завесу" не активировал, смотрю, – отозвалась Верка, вертясь на дороге.

– У меня комбез под халатом. Хрен его стрела эта пробьет, – успокоил "Трояна" Сергей.

– А видеосенсоры? – Верка фыркнула возмущенно.

– Вот тут ты права. Михаил, может шлемы нацепим? Зря что ли ты над ними мудрил несколько дней лет эдак десять назад. Очень получились функциональными.

– Одеть шлемы, – Михаил первым нахлобучил на голову стилизованный под средневековые головной убор с пластиковым забралом, прозрачным настолько, что разглядеть его было невозможно с двух шагов. – Вперед!

Увидев скачущих в их сторону "москвитов" Ялангтуш был не просто неприятно удивлен. Он буквально взбесился, так как его бойцы, падали под копыта своих лошадей от стрел вражеских именно потому, что он приказал им стоять насмерть и задержать продвижение к городу неприятеля именно для того, чтобы эти "урусы" могли спрятаться за стенами Самарканда. Выходит, что зря гибли его люди. И он заорал, теряя лицо, на подскакавшего к нему Петра Павловича:

– Шайтан вас всех заберит в преисподнюю, за глупость и неблагоразумие!

– Мы, Светлейший, за спинами отсиживаться не приучены, – крикнул ему в ответ Петр Павлович. – Отводи своих людей к городу, сейчас ты увидишь, как бьются у нас на Руси.

– Там тьма. Вас перестреляют как баранов, – ответил Ялангтуш, прикрываясь круглым щитом от свистящих стрел. Его раненая дважды лошадь тяжело дышала, слабея от потери крови и он, получивший стрелу в бедро, тоже скрипел зубами от боли, но удивление его было столь велико безрассудством "урусов", что он бледный и мокрый от пота, перекосил лицо в кривой ухмылке:

– Этими палками вы хотите прогнать воинов в доспехах и с копьями? Разворачивайте лошадей и убирайтесь отсюда!!! – заорал он опять. Однако "урусы" и не подумали ему подчиниться и промчались мимо, в сторону наступающих нукеров хана Мухаммеда. Эту тысячу Хан послал привести к покорности Самарканд и она, уже подходящая в походном порядке к городу, натолкнувшись на сотню Ялангтуша, ждала в тесном ущелье, когда ее первые несколько сотен устранят препятствие, вырезав непокорных мятежников. На расстоянии полета стрелы, боестолкновение вполне устраивало обе стороны и, неся потери те же что и враг, заткнувший проход, тысяча, тем не менее, продвигалась вперед, меняя лучников и раненых лошадей. Выскочившая пятерка на простреливаемое пространство и рванувшая в их сторону, несколько обескуражила стрелков, но всего лишь на несколько мгновений и ливень стрел обрушился на скачущих наглецов. Только этим сумасшедшим везло и расстояние сократившееся, заставило воинов Мухаммеда взяться за сабли. Первый десяток, выскочивший навстречу скачущей

пятерке, вообще получил приказ взять их живьем и попытался это сделать, рубя старательно, но не всадников, а лошадей. А Ялангтуш, поставленный "урусами" перед фактом, как и любой другой военачальник на его месте, сделавший все от него зависящее, с чистой теперь уже совестью, отдал приказ своим людям уходить в Самарканд и сотня поскакала в сторону города.

– Хасиб, и вы двое, останьтесь и проследите, как возьмут этих безумцев в плен или убьют,– Ялангтуш ткнул обнаженным клинком в сторону свалки, которая началась в ущелье.– Урусы хорошие воины и возможно погибнут все, но вы убедитесь и расскажете потом во всех подробностях,– Бек хлестнул лошадь плашмя все той же саблей и она, заржав пронзительно, унесла его вслед за уходящей в Самарканд сотней. А Хасиб, с двумя нукерами, укрывшись за валунами, открыв рты, принялись наблюдать, как от дубин "безумцев" из седел вылетел первый десяток, а потом свалка началась такая, что пыль поднявшаяся столбом, не позволяла разглядеть, что там происходит.

– Клянусь Аллахом Всемогущим и Милосердным это настоящие батыры, жаль, что Аллах не плеснул в их курдюк храбрости, плюшку благоразумия,– прошептал Хасиб, ни к кому не обращаясь и морщась от боли. Он тоже поймал сегодня две стрелы. Одна чиркнула опереньем по щеке, оставив память на всю оставшуюся жизнь в виде пореза, а вторая застряла между ребер, попав в сочленение доспехов и, ее Хасиб выдернул с мясом, утаив этот факт от своего отца и теперь слабел, теряя кровь, которая уже хлюпала в сапоге.

– Что там видно, Асиф,– спросил он самого рослого из своих подчиненных и тот принялся комментировать происходящее удивленным и хриплым голосом, не стесняясь в выражениях.

– Господин, с этими урусами не иначе как сам шайтан рубится. Они расшвыряли и перебили уже не меньше сотни и углубляются туда... дальше скачут. Вах, их опять окружили. О-о-о!!!

– Говори толком,– одернул его Хасиб, скрипя от боли зубами.

– Господин, у вас кровь. Нужно остановить. Уходите в Самарканд. Я останусь и все, потом расскажу Беку,– обеспокоился Асиф его состоянием.– Асад, помоги господину держаться в седле.

– Заткнись, Асиф. Я сам решу, когда мне уйти. Что видишь?– осадил его Хасиб, повысив голос.

– Ничего не вижу, господин. Эти лежат, а те вперед ушли,– доложил Асиф.

– Кто "эти" и "те"?– заорал на него Хасиб яростно.

– Прошу простить меня, господин. Эти – наши значит, а те – урусы. Или теперь урусы наши, а те не наши?– запутался Асиф в определении "свой-чужой".

– Где урусы?– Хасиб пытался разглядеть, что происходит в ущелье, но пелена перед глазами от слабости и пыль не давали ему это сделать.

– Нет никого, господин. Только лошади без всадников остались,– растерянно пробормотал Асиф, вытягивая шею и вглядываясь в сторону ущелья из-под ладони.

– Скачи вперед и махни нам рукой, если никого нет,– приказал ему Хасиб, запихивая кусок чистого полотна, услужливо протянутого Асадом, под кольчужку и рыкнув от острой боли, прижал ее к ране, придерживая снаружи другой рукой.

– Клянусь Аллахом, ин ша Аллах, вам лучше не ждать меня, господин. Уходите. Что там я увижу? Урусы достойно сражались, но здесь всего сотня передовая, а там тьма. Уходите, прошу вас,– взвыл в ответ Асиф, пришпоривая лошадь и направляя ее в сторону ущелья. В ответ услышал, как Хасиб помянул шайтана и всю его родню до седьмого колена. А через минуту Асиф уже махал рукой, поймав второй за поводья трофейного жеребца. Жеребец попался норовистый и Асиф накручивая на кулак уздечку, хлестал его по выпученным глазам, приговаривая:

– Теперь ты мой, шайтан тебе в утробу, покорись или глаза вышибу,– удары сабельные между ушей жеребцу не нравились и он грыз удила, плюясь кровью, но боль резкая во рту заставляла смиряться и слушаться нового хозяина.

– Что там?– подскакавший Хасиб был нетерпелив.

– Здесь все лежат, как мертвые, но крови нет, господин. Урусы не убивают до смерти, только глушат своими палками,– Асиф довольно улыбнулся. Жеребец покорно стоял рядом, и Асиф, прикрутив его к седлу жестко и коротко, вертел головой, выбирая очередной трофей. Вокруг лежали тела в доспехах и паслись лошади оседланные, глаза разбегались. Урусы прошли сквозь первую сотню, как нож раскаленный сквозь масло, оставив этот страшный след, радующий жадные глаза Асифа обилием добычи.

– Вперед!– махнул рукой Хасиб, направляясь вслед за "урусами", буквально выполняя приказ отца, повелевшего все увидеть своими глазами и трое нукеров поскакали следом за "урусами", которые в буквальном смысле слова "прошли ураганом" впереди, оставляя позади себя сотни тел лежащих в живописных позах.

– Клянусь Аллахом, такого я не видел еще ни когда. Пятеро бьют тысячу. Это джины вселились в урусов не иначе,– бормотал Хасиб, забыв о ране и бледнея уже не от потери крови, а от увиденного.– И я дерзнул напасть на одного из них! О-о-о!– "Урусов" они догнали метров через пятьсот. Пятеро всадников остановились и осматривали дело рук своих. Тысяча закончилась. Во вмняемом состоянии ни кого не наблюдалось, и Сергей с удовольствием перекуривал, жадно затягиваясь: – Размялись чуток. Теперь бы еще перекусить чего-нибудь вкусненького и можно ехать дальше. Мерс, что там у нас сегодня на обед?– повернулся он к девушке.

– Вам все меню огласить, мсье?– оскалилась та волчицей в ответ.

– Достаточно первых трех блюд,– покладисто согласился Сергей, рассмешив этим до икоты Анатоля, который еще не отошел от возбуждения и перебрасывал оглоблю из одной руки в другую.

– Ха-ха-ха,– пробрало швейцарца.– Сто-ли-лик на пятерых, мадемуазель. Де-десерт не забудьте.

– Что это с тобой, дорогой?– похлопала его по спине Мерседес.– Будет тебе десерт. Мороженое с клубникой сойдет?

– Мо-мороженое? Ха-ха-ха,– залился еще пуще Анатолий, роняя под копыта Еськи дубину.

– Это у него отходняк постстрессовый,– пояснил Сергей, с видом знатока.– Сейчас просмеется и начнет хвастаться, как лихо он махался.

– А что? Хорошо для человека штатского бился,– похвалил журналиста Петр Павлович и в этот момент к ним подскакали нукеры Ялангтуша, остановившиеся в пяти метрах. Хасиб и вслед за ним остальные сползли на землю из седел и, встав на колени, поклонились до земли.

– Вы великие богатыри. О таком я слышал только в легендах. Теперь вижу, что бывают и на самом деле такие сильные люди,– выпрямился Хасиб и, приложив руки к груди, добавил.– Клянусь Аллахом Всемогушим и Милосердным, я ваш раб с этой минуты.

– А "ин ша Аллах" где?– проворчал Петр Павлович.

– Без "ин ша Аллах". Саллаллаху алейхи ва саллам – это истинная йамину-ль-мунакуа,– склонил голову почтительно Хасиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.